

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

Издано:

QUEERFORMAT - Fachstelle Queere Bildung в рамках инициативы «Берлин выступает за самоопределение и принятие сексуального и гендерного многообразия»

Создание и печать брошюры при поддержке министерства по делам образования, молодежи и науки

Редакция / Вычитка: *Анне Цюрндорф, Тим Шоманн,
Штефани Нордт, Керстин Флоркив*

Перевод: *Ксюша Юрменич, Маша Бекетова*

Оформление: *www.benswerk.wordpress.com*

Год выпуска: 2016

Источник: *www.queerformat.de*

Банковские реквизиты:

Получатель: KomBi e.V.

IBAN: DE 92100205000003325601

BIC: BFSWDE33BER

Назначение платежа: KomBi e.V.

Организация KBZ общественно полезна.

Пожертвования подлежат освобождению от налогов.

Предисловие 6

Введение 8

Рассказы родителей:

Мне не стыдно за мою первоначальную реакцию 12

У Инес Майер (педагог, 45 лет) и ее мужа есть десятилетний сын и двадцатипятилетняя дочь. Она пишет о лесбийском каминг-ауте своей дочери.

Мы действительно задавались абсурдным вопросом, 14

Не сделали ли мы чего-то «не так»

Александр родился в 1990 году в Сантьяго де Чили, его отец (55) — чилиец. Я, его мать, (57) — немка. Сейчас мы живем во Франкфурте на Майне, и я пишу в своем рассказе о нашей семье и о каминг-ауте Александра.

Мой ребенок — лучшее, что со мной случилось. 17

Этот рассказ одной матери о ее отношениях с ребенком пришел к нам анонимно по почте.

Что такое дилдо мне было все-таки интересно. 18

Меня зовут Ульрике Р., я живу в Бранденбурге, и моя внучка спросила, не могу ли я написать что-нибудь для этой брошюры. Хотя я и не ее мама, а бабушка, я напишу с удовольствием.

Каминг-аут без слов. 20

Ясмина из Туниса рассказывает о каминг-ауте своей дочери.

Разрушить предубеждение сложнее, чем расщепить атом 21

Р. Ведель (48 лет), Северный Рейн-Вестфалия, психолог-консультант. Мать гомосексуального сына, которому 22 года.

Сын становится дочерью. 24

Мария Хельберт (74) принимает своего ребенка, даже если его теперь зовут не Рихард, а Регина, вопреки всем препятствиям в семье и в деревне. Из Хрисмона (евангелический журнал, выпуск августа 2011); протокол: Ариане Хаимбах, фотограф: Олаф Тидье.

Я считаю, что мужчины и женщины должны быть вместе. 26

Нургюль, 32, немецкая турчанка, мать, частная предпринимательница, гетеросексуальна, открыта, но все равно консервативна.

После телефонного разговора прошло четыре дня. 27

В этом рассказе мать пишет о недавнем каминг-ауте своего сына.

Мне не важно, дочь у меня или сын, 29
главное что бы он был счастлив

Моему сыну 25 лет. Пять лет назад он сказал, что транссексуален. Мы живем в Берлине. Я мать, а он мой единственный ребенок.

Интервью с супругами А. 32

Из книги Томаса Раттай «Полный вперед. Геи и лесбиянки с инвалидностью», молодежная ассоциация Ламбда.

Мы советуемся о том, как мы можем поддерживать 38
наших детей в их стремлении быть принятыми в обществе.

Семья К. из Дрездена основала родительскую группу после того, как оба их ребенка сначала сказали, что они лесбиянки, а впоследствии открылись как трансмужчины.

Мои мама и отчим любят меня таким, какой я есть, 40
и поддерживают меня. Это очень приятно.

Письмо матери 48 лет, написано совместно с ее сыном геем. Они живут в городе Билефельд с отчимом.

Мой муж узнал раньше меня. 45

Анке Фишер, 46 лет, пишет о каминг-ауте своей дочери, своем муже и о второй дочери в семье.

Каминг-аута не было. 48

Письмо матери, которая сначала не была в восторге от идеи писать письмо, потому что она никогда и не ожидала, что оба ее ребенка будут гетеросексуальными. Так что каминг-аута не было.

Тогда мне нужно было просто быть смелым. 50

Д.С., 60 лет, дедушка, живет в Мекленбург-Передней Померании, работает в сфере образования и пишет в своем письме о каминг-аутах своих обеих дочерей и своей жены.

Кроме того он уже выбрал себе имя: «Лиза»! 52

Прежде, чем мы начнем говорить о Лизе, мы бы хотели коротко рассказать о нашей семье. Мы — родители Лизы — работаем на полную ставку и являемся гордыми родителями двух сыновей. По крайней мере, до недавнего времени мы были уверены в том, что у нас два сына.

У меня двое прекрасных детей. 54

Мать (58 лет, проживает в Берлине) рассказывает о своих гомосексуальных детях.

Мой сын Йона: на пути к себе 58

Рассказ Симоне Блюм (59 лет, живет в Берне, Швейцария) о её семье и отдельно о её сыне, которому 27 лет (живет в Берлине).

Я не даю гомофобным высказываниям никакого шанса 61

Меня зовут Доротеа. Я 1953 года рождения, медсестра и живу в маленьком городе на озере Бодензее. Там же родился мой сын Кевин в 1988 году, мой второй ребёнок, большую часть времени я воспитывала его одна.

Он показывает нам, насколько важно говорить об этом 66

Наталья Кильбер (59) и её муж переехали в 1997 году вместе с детьми из Казахстана в Германию. Здесь она рассказывает о камингауте её сына, который сейчас является активистом „Квартиры“. „Квартира“ - это организация русскоязычных ЛГБТ и их друзей в Германии (www.quarteera.de).

Дополнительная информация 68

Литература 74

фотография из личного архива

Эрен Юнсаль
Руководительница центра по равноправию и против дискриминации —
Берлинского центра по антидискриминационной работе.

ПРЕДИСЛОВИЕ:

Дорогие читательницы и читатели,
дорогие родители!

«Быть разными — это нормально»¹. Каждый человек — уникальная личность со своими особенными талантами, качествами характера, интересами, сильными и слабыми сторонами. Люди отличаются во многих отношениях, например, по возрасту, полу, этническому и социальному происхождению, цвету кожи, мировоззрению и религиозной принадлежности, по сексуальной ориентации или наличию/отсутствию инвалидности. Как родители вы знаете, что ваш ребенок в чем-то похож на вас, возможно, он/а унаследовал/а ваш цвет волос или темперамент. Но во многих отношениях ваш ребенок не похож на вас или совсем не такой, как вы ожидали. В этой брошюре вы найдете девятнадцать писем и рассказов родителей, бабушек и дедушек, сестер и братьев, которые рассказывают о том, как они себя чувствовали, когда узнали, что их сын — гей, их сестра — лесбиянка или бисексуалка или что один из их внуков чувствует себя трансгендером² и хочет пройти коррекцию пола. Одна мать

пишет: «Так бывает нередко». Да, один из пятнадцати детей/подростков испытывает сексуальное и эмоциональное влечение к людям своего пола. Примерно один/одна из 3.000 людей ощущает, что его/ее гендерная идентичность — мужская или женская — не совпадает с приписанной при рождении.

Несмотря на то, что вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности не так табуированы, как раньше, и общество больше принимает сексуальное разнообразие, для родителей каминг-аут³ ребенка чаще всего становится неожиданностью и нередко вызывает тревогу и страх. В этой брошюре родители рассказывают о том, что им помогло принять эту новую информацию и любить своего ребенка — будь он/а лесбиянкой, геем, бисексуал/кой, транс* женщиной⁴ или транс* мужчиной⁵ — как и раньше.

Те, кто борются за права и принятие лесбиянок, геев, би- и транссексуальных людей в своем социальном окружении, должны знать, что на их сто-

роне законодательство и государство: Закон об анти-дискриминации (AGG), который опирается на европейские рекомендации и договоры, защищает людей от дискриминации на основании различных признаков, в том числе сексуальной идентичности⁶. Особое внимание самоопределению и принятию сексуального разнообразия уделяет Федеральная земля Берлин⁷. Я благодарю тех, кто поделились с нами в этой брошюре своими личными историями, и всех, кто участвовали в ее создании и вкладывали в нее свои идеи. В качестве напутствия к чтению я бы хотела процитировать стихотворение Халиля Джибрана: «Твои дети — не твои дети... Они с тобой, но они

не принадлежат тебе. Ты можешь дать им свою любовь, но не свои мысли — потому что у них есть собственные». Желаю вам и вашим семьям сохранить любовь и взаимное уважение, и пусть они принесут вам в будущем благополучие и счастье.

Reisch

1 Цитата из речи президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера, 1993.

2 Слова «трансгендер/ка», «транссексуал/ка», «транс-идентичный человек» или просто «транс*» (со звездочкой) обозначают людей, которые ощущают, что принадлежат к «другому» полу, чем приписанный им при рождении.

3 Каминг-аут — это процесс, в ходе которого человек осознает свою сексуальную идентичность и постепенно сообщает о ней другим.

4 Транс* женщина — это человек, который родился в «мужском» теле, но ощущает себя женщиной.

5 Транс* мужчина — это человек, который родился в «женском» теле, но ощущает себя мужчиной.

6 Закон об анти-дискриминации (AGG), вступил в силу 18.8.2006, дополнительная информация (на немецком языке):
www.antidiskriminierungsstelle.de

7 См.: <https://www.berlin.de/sen/lads/schwerpunkte/lgbti/igsv/>

ВВЕДЕНИЕ:

Кто не любит мечтать о будущем? О прекрасных моментах с любимыми людьми? О будущем детей или братьев и сестер — о их будущих отношениях, задачах, которые они будут ставить перед собой, семьях, которые они возможно сами однажды заведут? Но что если жизнь сына, сестры, внучки принимает оборот, которого мы прежде не могли себе представить?

Момент, когда дочь говорит: «У меня есть девушка» или ребенок объясняет: «Вы должны говорить „он“ обо мне», часто застает врасплох. Момент признания другим людям в том, что человек лесбиянка, гей, бисексуал/ка или трансгендер* называется «каминг-аут» (выход). Как правило, ему предшествует многолетний процесс внутреннего каминг-аута, в ходе которого первоначальные предположения человека о своей сексуальности и гендере созревают до уверенности. Каминг-аут нужен только потому, что большинство людей исходят из того, что другие само собой разумеется хотят жить с приписанным им при рождении полом и являются гетеросексуальными. Те, у кого это не так, должны в этом «сознаваться», не смотря на то, что они отнюдь не являются маленьким меньшинством: примерно 10% населения Германии не живут ге-

теросексуальной жизнью или являются трансгендерами. А многие другие имели опыт однополых романтических или сексуальных отношений. Но зачастую ЛГБТ*¹ людям сложно быть открытыми в своих решениях: исследования показывают, что семья и школа — это те места, где ЛГБТ* подростки сталкиваются с наибольшими трудностями. В этой брошюре собраны 20 очень разных историй, в которых родители, бабушки и дедушки, братья и сестры рассказывают о каминг-аутах своих детей и родственников. Ни одна история не повторяет другую, ведь все семьи разные. Автор_ки², высказывающиеся здесь, описывают изменение своего отношения к их близким и к темам сексуального и гендерного разнообразия. Они говорят исходя из своих собственных жизненных ситуаций. Их всех объединяет желание поделиться с другими своей историей, обменяться таким образом опытом с другими родителями и родственниками. Благодаря этому читатель_ницы смогут найти сходство со своей ситуацией, узнать о том, как обращались с этими темами другие, отстраниться от своих историй и, может быть, найти таким образом новые для себя пути.

Различные жизненные условия и опыт влияют на то, как люди реагируют на новость о каминг-ауте. Некоторые ро-

дители и родственники, которые высказываются в этой брошюре, были очень удивлены, другие меньше — некоторые напротив и не ожидали, что их ребенок будет гетеросексуальным или будет идентифицировать себя исключительно с приписанным при рождении полом. Многие дети, прежде чем рассказать родственникам о своей идентичности, сначала долго разбираются сами с этой темой, говорят с по_другами; у других члены семьи являются первыми, с кем они делятся. Многие родители ищут причины, почему их ребенок трансгендер или (также) влюбляется в людей своего же пола. Другие родители, задававшиеся прежде этими вопросами, находят их впоследствии абсурдными. Ясно, что гендерную идентичность или сексуальную ориентацию человека невозможно распознать по его поведению. Но кто ищет, тот найдет: разве не у каждого ребенка были хобби, любимый цвет или любимый предмет одежды, которые выбивались из традиционного представления о том, что «девочки любят розовое и кукол, а мальчики — синее и футбол»? Но это еще совсем не значит, что все дети, ведущие себя гендерно-неконформно, будут позже идентифицировать себя как ЛГБТ*. Ведь нельзя сделать вывод о сексуальной ориентации или гендерной идентичности человека, исходя из черт характера или поведения. Истории из этой брошюры показывают, насколько бесконечно разнообразными могут быть жизни ЛГБТ* людей. Гомосексуальные и трансгендерные люди также разнообразны,

как и гетеросексуальные — каждый человек уникален. Правда, на улице мы обращаем внимание лишь на людей, которые соответствуют стереотипам о геях, лесбиянках, бисексуал/ках и трансгендерах. На тех, кто не соответствует стереотипам, мы не смотрим. Люди за 60 не забывчивы сами по себе, геи не обязательно целыми днями говорят о шоппинге, не каждый человек с иностранной фамилией настроен против ЛГБТ*, точно так же как и не каждая транссексуальная женщина выглядит как дива на каблуках. Язык — это один из способов выражения уважения к людям. Понятия, которые мы используем в этом предисловии, являются самоназваниями, а также мы пользуемся понятиями, которые кажутся нам наиболее инклюзивными. Так что мы пишем транс* со звездочкой, чтобы показать многообразие трансгендерных людей и их гендерных идентичностей, которое часто игнорируется. Транс* подразумевает собирательное понятие о людях, для которых пол, в котором они живут, не является обязательным следствием приписанного при рождении пола. Во-первых, существуют транс* мужчины и транс* женщины. Эти понятия (и соответствующие личные местоимения) обозначают пол, с которым человек себя идентифицирует, а не пол, который ему/ей был приписан при рождении. В зависимости от обстоятельств, но не во всех случаях, некоторые принимают гормоны и/или решаются на операции. Другие транс* люди не чувствуют себя ни мужчиной ни женщиной и живут со

• • • своим собственным, абсолютно индивидуальным гендером. Некоторые транс* люди гетеросексуальны, другие гомосексуальны или бисексуальны. Но гендерная идентичность (Кем я себя чувствую? Кем я являюсь?) не то же самое, что поведение или внешний образ человека. Если кто-то не хочет перенимать традиционно женские или мужские задачи и роли или одевается гендерно-неконформно, это еще не однозначный критерий того, как человек ощущает и идентифицирует себя относительно своего пола. Девиз таков: спрашивайте, как человек хочет, чтобы к нему/ней обращались, также как спрашиваете об имени, когда знакомитесь с людьми. Мы сердечно благодарим всех родителей и родственников, которые нашли время и потрудились записать свои исто-

рии, чтобы таким образом поделиться ими с другими. Еще мы хотим поблагодарить GLADT e.V., молодежную сеть Lambda e.V. и газету Chrismon, которые поделились с нами рассказами из своих публикаций. Мы благодарим министерство по делам образования, молодежи и науки, которое сделало возможной публикацию этой брошюры в рамках инициативы «Берлин выступает за самоопределение и принятие сексуального многообразия», мы благодарны антидискриминационному центру федеральной земли Берлин за предисловие и, что не менее важно, всем, кто посодействовали созданию этой брошюры своими идеями и конструктивной критикой. Что бы вас не ждало в будущем — мы надеемся, что вы найдете счастье с вашими близкими людьми!

**МОЙ РЕБЕНОК —
ЭТО САМОЕ ЛУЧШЕЕ,
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В
МОЕЙ ЖИЗНИ!**

1) Англоязычная аббревиатура ЛГБТ* (лесбиянки, геи, бисексуал/ки, трансгендеры) возникла в интернациональном контексте прав человека.

2) Гендерный разрыв используется для всех полов и гендерных идентичностей. Нижнее подчеркивание предоставляет пространство для людей, которые не видят себя в общепринятой схеме «женщины/мужчины».

>> МНЕ НЕ СТЫДНО ЗА МОЮ ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ РЕАКЦИЮ

УИнес Майер (педагог, 45 лет) и ее мужа есть десятилетний сын и двадцатипятилетняя дочь. Она пишет о лесбийском каминг-ауте своей дочери.

Когда нашей дочери было пятнадцать, она призналась только мне. Для меня это был полнейший шок, мир будто рухнул. Я много плакала, все крутилось вокруг этой темы, и я действительно как будто остолбенела. Я как-то не могла понять, что мой ребенок «другой», отличается от остальных. Она ведь с малых лет была абсолютно типичной девочкой: она любила играть в куклы, носить красивые платья, краситься. Почему она не может любить мужчин? И что сказали бы наши родственники, друзья и соседи об этом? Первый разговор с одной близкой мне коллегой, которая довольно быстро поняла, что меня что-то сильно угнетало, вытащил меня из состояния бесконечной печали. Она уверила меня в том, что в наши дни это уже не проблема. Для нее это было абсолютно нормальным, и мне не стоило чего-то скрывать. Кроме того, она знала мою дочь и сказала, что она остается точно такой же, и что для нее не запрограммировано негативное развитие лишь по причине ее гомосексуальности. На примерах из круга наших знакомых она помогла

мне побороть мои самые большие страхи.

Мой муж практически не мог со мной говорить. Ему нужно было сначала самому разобраться с «инаковостью» нашего старшего ребенка. Но тем не менее он был тем, кто искал информацию на тему гомосексуальности и распечатывал ее из интернета. Так нам впервые довелось интенсивно изучить эту тему. При этом меня очень задело письмо одного молодого человека, адресованное его родителям. Оно вытащило меня из ступора «у-меня-все-плохо-и-что-же-теперь-будет». Он описывал свою любовь к родителям, которые оттолкнули его после каминг-аута, и свое отчаяние по этому поводу. Это было так больно читать, что в этот момент я поняла, что ни в коем случае не хочу потерять свою дочь! Спустя месяцы, я наконец-то захотела выбраться из своей изоляции. Я рассказала об этом моей маме, а потом поговорила со своей лучшей подругой. Когда я узнала от нее, что она по-прежнему остается моей лучшей подругой и что в отношениях наших семей ничего не изменится, у меня упал камень с сердца и лед окончательно тронулся. Я чувствовала себя по-настоящему освобожденной и могла снова оптимистично смотреть в будущее. По-настоящему счастливой сделало меня то, что я узнала, что друзья и подруги моей дочери знали о ее сексуальной ориентации уже гораздо дольше, и я часто была свидетельни-

цей того, что они совсем не поменяли своего отношения к ней. Ведь до этого я боялась еще и того, что другие оттолкнут или отвергнут моего ребенка. Но все это не подтвердилось. Наша дочь была тогда очень разочарована нашей реакцией. Она не могла понять, что нам тогда было нужно сначала пережить болезненную для нас новость. Ведь она разбиралась в этом уже много лет и нашла свое место. Сейчас нашей дочери двадцать один год, и мы гордые родители взрослого ребенка, получающего университетское образование, и живущего уже четыре года в постоянном партнерстве. В следующем году будет даже свадьба! Они — очень красивая пара, и мы желаем им всего счастья в мире. В нашей семье есть еще одиннадцатилетний сын, который всегда легко обращался с этой темой. Для него абсолютно нормально, что его сестра, которая на десять лет старше, встречается с девушкой. Просто так уже было всегда, и у него нет абсолютно никаких страхов насчет этой темы перед другими людьми. Это очень радует и нас, родителей. Сегодня я знаю, что многие из страхов, которые были у меня в начале, были необоснованы. Мы многому научились с тех пор, как наша дочь сделала каминг-аут, и по отношению к нашему сыну мы бы точно не отреагировали также, как тогда. Но даже если мы сейчас хорошо «справляемся» с ситуацией, я не испытываю стыда за мою изначальную реакцию. Для меня на первом плане было всегда счастье моего ребенка. Так как в моем поколении гомосексуальным людям

было невероятно сложно, вначале я просто очень испугалась. Конечно, я и сегодня думаю о вещах, о которых родители гетеросексуальных детей возможно не думают: например, насколько возможно для моей дочери и ее партнерки завести детей? Но я уверена, они обе найдут свой путь! Об этой инициативе я узнала от своей дочери и сразу поняла, что хочу принять участие. Я хочу показать своим рассказом, что это нормально, когда родителям требуется время, если их дети делают каминг-аут, а также я хочу пожелать всем остальным смелости заступаться за себя и за своих детей. Ведь они являются и остаются нашими детьми, не важно, как они живут, и кого они любят. Любовь ведь все-таки очень важна в жизни и никак не может быть ничем плохим.

>> МЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗАДАВАЛИСЬ АБСУРДНЫМ ВОПРОСОМ, НЕ СДЕЛАЛИ ЛИ МЫ ЧЕГО-ТО «НЕ ТАК».

Александр, Франкфурте на Майне

Александр родился в 1990 году в Сантьяго де Чили, его отец (55) чилиец. Я, его мать, (57) — немка. Сейчас мы живем во Франкфурте на Майне и я пишу в своей истории о нашей семье и о каминг-ауте Александра.

У Александра нет родных братьев и сестер, но есть многочисленные чилийские двоюродные братья и сестры, которые все значительно старше его и просто в восторге от маленького кудрявого «гринго». Он рос двуязычным, уже в детстве он очень талантливо рисовал, чем страстно увлекается и по сей день. Он учится в выпускном классе оформительской школы и хочет изучать искусство в университете.

В детском саду он всегда водился с девочками. Однажды его застали за горячими поцелуями с одной из его подружек. Он был всегда как в цветнике, нам казалось, что растет будущий бабник. Когда Александру было семь лет, мы переехали в Германию и жили первые годы в моем родном маленьком городе в Нижней Франкнии. Несколько лет спустя Александру было уже 15, и он был в самом разгаре переходного возраста — мы переехали по семейным обстоятельствам и из-за работы во Франкфурт на Майне.

Он все еще окружал себя девочками, но не как сердцеед, а скорее как некий «знаток женской психологии». Он делил со своей лучшей подружкой не только школьную парту, но и проводил с ней большую часть своего свободного времени. Одно время они были неразлучны, как сиамские близнецы, и эпизодически он играл роль утешителя, когда у нее была несчастная любовь. Когда я его однажды спросила, не влюблен ли он в нее хоть чуть-чуть или не ревнует к ее парню, ведь она необыкновенно красивая девочка, он сказал нет. Она его лучшая подружка, а в других смыслах у него нет к ней интереса. Тогда я еще подумала, что его еще не интересует противоположный пол или что возможно он не захотел мне чего-то рассказывать. Но было абсолютно ясно, что он не хотел ничего, кроме дружбы, ни от одной из девочек из его круга подруг. И это не смотря на то, что большинство из них были очень красивыми, хорошо развитыми молодыми женщинами. Он мало контактировал с мальчиками сверстниками в школе и вне ее и мало разделял их увлечения. Так было еще раньше в Чили. На его детские дни рождения всегда приходила пара соседских мальчиков, которые сами его приглашали, но близкую дружбу он заводил только с девочками. Когда мы впоследствии вспоминали эти годы, мы обнаружили, что он во многих отношениях отличался от мальчиков своего возраста. Например, он никогда не был забиякой или хулиганом

и всегда мало интересовался какими-нибудь дикими играми в приключения, никогда не приходил домой в порванной или грязной одежде. Еще его никогда не нужно было заставлять ухаживать за собой, как часто бывает с растущими подростками-мальчиками. Так как его отец ни по каким параметрам не соответствует клише южноамериканского мачо, Александр мог развиваться во всех смыслах свободно, без надобности подстраиваться под какие-либо ролевые модели.

Однако мы удивлялись, что у него совсем не было интереса к противоположному полу, не смотря на то, что он по-прежнему был окружен красивыми девушками, вел себя с ними очень уверенно и уделял много внимания своей внешности. Мне тогда приходило периодически в голову, что он мог бы быть геем. С другой стороны, я старалась снова и снова вытеснять эту тему из моих мыслей, так как это казалось слишком невероятным. Но сомнения оставались, и однажды я решила спросить его прямо. Я сказала, что хочу задать ему один важный вопрос, и не хочет ли он вместе со мной погулять с собакой. Александру на тот момент было примерно пятнадцать с половиной лет, в любом случае еще не было шестнадцати. Я взяла собаку на поводок, и мы отправились на прогулку. На улице я недолго ходила вокруг да около, а спросила его, может ли быть так, что он гомосексуален, потому что он совсем не интересуется девушками. Он немного скривил рот, на секунду закатил глаза и сказал мне без отго-

ворок, что я вполне правильно предполагала. Мы обнялись, мы оба были очень растроганы и близки к тому, чтобы заплакать, просто потому что это была очень особенная ситуация. С одной стороны я рассчитывала на такой ответ, а с другой нет. Меня потрясла уверенность, а его очевидно тот факт, что я так прямо спросила и так безоговорочно приняла его ответ. Во время прогулки с собакой я узнала, что Александр рассказал о том, что он гей, еще раньше в классе в своей баварской гимназии и, очевидно, у него не было никаких проблем с этим. Благодаря этому было понятно, что и родители его одноклассников тоже все знали. Только мы ничего не знали, я не могла поверить. Меня утешало только то, что я время от времени узнавала детали об одноклассниках Александра, о которых их родители также не имели понятия. Но в жизни так всегда: те, которых это касается больше всего, узнают об этом, как правило, последними.

Пару дней спустя Александр дал мне разрешение сказать обо всем моему мужу. Несмотря на то, что мы всегда очень спокойно относились к гомосексуальности, считали себя просвещенными, толерантными и открытыми людьми, мы, действительно, — как наверное все родители — задавались вопросом, не сделали ли мы чего-то «не так». Конечно, это абсолютная чушь, ведь против гетеросексуальной ориентации своих детей родители тоже ничего не могут сделать. Тогда мы стали искать всевозможную информацию из интернета и распечатывать ее, пре-

жде всего рассказы других родителей, которые я нашла на странице BEFAN и которые мне очень помогли, а частично даже задели и опечалили. Ведь все еще есть родители, которые не принимают сексуальную ориентацию своих детей и даже обрывают отношения. Но и без этого в обществе достаточно предрассудков и дискриминации, от которых геи и лесбиянки страдают. Тем решительнее должна заступаться за них семья, вне зависимости от различий и разногласий, которые бывают в отношениях между родителями и детьми. У нас тоже случались и случаются конфликты, но не на почве гомосексуальности Александра. Он может быть уверен, что он всегда может на нас рассчитывать, и что мы любим его таким, какой он есть.

При всей личной толерантности, которая присуща нам как родителям, конечно, мы задавались вопросом, как отреагируют друзья и родственники на такую новость. И как кому говорить об этом, и вообще стоит ли говорить? Ведь в конце концов родители гетеросексуальных детей не становятся перед людьми и не говорят: «А, кстати, моей дочке нравятся мужчины». С другой стороны, страшно, что за спиной будут сплетничать, и лучшая защита — это нападение.

Для моего мужа было сразу понятно, что он ни в коем случае не будет говорить об этом со своими родственниками в Чили. Тема гомосексуальности связана у большинства из наших чилийских родственников с предрас-

судками. В общем можно сказать, что предрассудки относительно геев и лесбиянок там играют большую роль. Одно из наиболее часто используемых и обидных ругательств «*maricón*», унижительное слово для геев, которое одновременно означает любое «немужественное» поведение. Но и в Чили есть разные взгляды. У нас даже есть пара племянниц в Чили, с которыми мой муж во время своей последней поездки туда говорил о том, что наш сын гей, но просил их держать это в тайне. Они молодые женщины, которые спокойно относятся к такому.

Моих обоих родителей уже нет, с остальными родственниками мы почти не общаемся, так что каминг-аут был излишним. Я бы скорее всего все равно не сказала им, потому что они принадлежат к консервативному крылу католицизма. Моя мать к сожалению умерла незадолго до каминг-аута Александра. Ей бы я точно рассказала об этом, ведь она была либеральной и толерантной женщиной. И конечно же бывают и прогрессивно мыслящие католики, нельзя всех читать под одну гребенку. Просто у меня перед глазами только одна определенная «фракция». Другим и коллегам мы постепенно рассказывали, когда предоставлялась возможность, например, потому что они спрашивали, есть ли у Александра девушка. С одной хорошей подругой, с которой мы дружим много лет, мне сразу захотелось поговорить, и разговор прошел хорошо и принес мне облегчение,

ведь, не смотря на всю просвещенность, вначале люди очень переживают и сомневаются. Сейчас прошло пять лет и мы расслабились. Что осталось, так это переживание, которое мы делим с родителями гетеросексу-

альных детей: забота о том, что ждет в будущем. Как минимум, невестки у нас не будет, это уже точно, но вместо нее наверное когда-нибудь будет хороший зять.

>> МОЙ РЕБЕНОК — ЛУЧШЕЕ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ.

*Этот
рассказ одной
матери об отношениях
с ее ребенком пришел к нам
анонимно по почте.*

Я городской человек. Мой сын вырос без родного отца. Я очень горжусь своим сыном, или, скорее, дочерью, как мне скоро надо будет говорить о нем. Я ни на кого не выучилась. Моя последняя работа — работа уборщицей. Нас в семье трое. Я познакомилась со своим мужем, когда моему сыну было девять. Мы проводим не очень много времени вместе, но мы счастливы. Это и есть самое главное в жизни, не правда ли? Когда моему

сыну было восемнадцать, я узнала об этом. Но мой сын чувствовал это уже в тринадцать. Сначала я была в шоке, но это его дело. Я сказала своему сыну: я надеюсь, ты знаешь, что тебя ждет. Мое отношение к моему ребенку осталось таким же. Я рада, что моему ребенку хорошо быть такой, какая она есть. Я думаю, что родители должны давать своим детям право решать. Но я не читала об этом книг. Я хочу сказать всем родителям, которые воспитывают детей, поодиночке или вдвоем: слушайте своих детей и не отталкивайте их, если они немного другие, чем вы ожидали. Я хочу еще раз подчеркнуть, мой ребенок — это лучшее, что со мной случилось. Я люблю своего ребенка и мужа больше всего на свете.

>> ЧТО ТАКОЕ ДИЛДО МНЕ БЫЛО ВСЕ-ТАКИ ИНТЕРЕСНО.

Ульрике Р.,
Бранденбурге

Меня зовут Ульрике Р., я живу в Бранденбурге и моя внучка спросила, не могу ли я написать что-нибудь для этой брошюры. Хотя я и не ее мама, а бабушка, я напишу с удовольствием.

То, что моя внучка лесбиянка, я узнала тринадцать лет назад. Ей тогда было девятнадцать, а мне шестьдесят два года. Сначала, должна признать, это было небольшим шоком. Я люблю всех своих внуков и внучек! А эту люблю особенно, хотя так наверное не стоило бы говорить. Но это так, потому что она родилась первой. Я подумала: о боже, ее жизнь будет такой сложной со всеми этими царящими в нашей стране предрассудками о лесбиянках и геях. Но и у меня были свои страхи. Раньше я никогда не думала об этой теме. Во всяком случае, мне так казалось. Я родилась и выросла в маленьком городе, но работала в культурной организации. Мы организовывали чтения и кинопоказы, общались с различными художницами и художниками. И там были, как я потом вспомнила, два коллеги гея. Они даже были парой и жили вместе. В нашем маленьком городе! Но это было скорее «открытой тайной». Мы знали об этом и никогда не говорили об этом с коллегами. Меня лично это никак не касалось. Лесбиянок я не

знала совсем. А потом, как я уже говорила, случилось откровение моей внучки. Это называется каминг-аут, она мне объяснила. И, к сожалению, даже не она мне об этом рассказала, а ее мама, значит, моя дочь. Однажды ночью она пришла ко мне, полностью сбита с толку. Не потому что ее дочь была лесбиянкой, как она рассказала ей в предыдущий вечер. Это моя дочь уже давно предполагала, и для нее это было легче, чем для меня по началу. Она была так взволнована, потому что моя внучка сбежала, просто исчезла. Она наверное думала, что родители не справляются с тем, что она лесбиянка. И да, у ее отца правда были вначале большие проблемы с этим. Сейчас все опять отлично общаются. Я хорошо помню, как моя внучка спустя несколько недель наконец-то поговорила со мной начистоту. Я об этом уже давно знала, и то и дело пыталась выпытать у нее правду. Но она все время ходила вокруг да около. До того момента, когда однажды она была у меня в гостях, и мы смотрели одно из этих ток-шоу. Так совпало, что речь шла о геях и лесбиянках. И я, чтобы спровоцировать ее, сказала: «Как-то мерзко это, вот эти...» И тогда моя внучка наконец поговорила со мной. Сначала она возражала мне. Потом она стала все больше нервничать. А под конец мы плакали в объятиях друг

друга. Она сказала, что ничего не рассказывала мне, потому что боялась того, что я могу сказать. Ну, я сказала, что я ее люблю и не могу дождаться знакомства с ее девушкой. То, что у нее кто-то был, я на тот момент уже знала. С той девушкой моя внучка, к сожалению, уже не вместе. Уже давно не вместе. А мне она правда нравилась. За это время я познакомилась с тремя или четырьмя ее девушками. Все они были очень милыми. Кроме одной. Но это не имело ничего общего с тем, что она лесбиянка, на то были другие причины. Помимо этого я всегда старалась узнавать много нового. В том числе и о жизни лесбиянок. Например, я часто листаю лесбийский журнал, который моя внучка всегда таскает с

собой. Я понимаю не все, и все я и НЕ ХОЧУ понимать, но что такое ДИЛДО мне тоже было интересно. И мне это объяснили. Моя семья говорит, что я очень прогрессивная женщина в возрасте. Это меня радует, ведь именно такой я всегда и хотела стать: современная бабушка, которая не одобряет все, что делает «молодежь», но остается открытой для разговоров с ними. К этому я хочу добавить, что у меня есть компьютер (только интернета нет, этому меня мои внуки еще не смогли научить), тетрис, машина, а по телевизору я больше всего люблю смотреть бокс. Я думаю, что мои внучки и внуки сохраняют меня молодой. Я могу только посоветовать всем бабушкам и дедушкам: если вы любите своих де- ● ● ●

• • • тей и внуков, любите их такими, какие они есть. Абсолютно не важно, кого они любят. Главное, они счастливы! Я никогда не стеснялась гулять по улицам моего маленького города с моей внучкой и ее девушкой, когда они еще были вместе. Они всегда ходили, держась за руки. Я этим даже гордилась! Так же, как горжусь и всеми остальными внуками и внучками. Сегодня я желаю своей внучке, у которой нет девушки, чтобы она наконец нашла подходящую пару на всю жизнь. Она всег-

да говорит, что ей это не нужно, и она счастлива и одна, но... Я думаю, что ее сложности найти партнерку, которая бы подходила ей, ничем не отличаются от сложностей других моих (гетеросексуальных) внуков и внучек. И у них постоянно новые парни и девушки. Что для меня иногда кажется странным. Я много лет живу одна, в моей жизни был лишь один единственный мужчина. Ну ладно, в этом отношении я все-таки немного старомодна. G

>> КАМИНГ-АУТ БЕЗ СЛОВ

Ясмينا

Мой муж немец, я туниска. Трое наших детей росли в Тунисе до того, как мы последовали настоятельному желанию моей старшей (на тот момент пятнадцатилетней) дочери и переехали в 2005-ом году в Берлин. Вообще-то все было в порядке.

Нашей дочери было шестнадцать, и после сложной фазы она завязала новые контакты и нашла лучшего друга. Они виделись, много чего предпринимали вместе, почти каждый день. Все думали: ну, они будут прекрасной парой. И тогда однажды я зашла неожиданно в ее комнату, а там сюрприз: моя дочь и ее подружка сидят и целу-

ют друг друга враскоряку на кровати. Я ничего не подозревала, но хотела бы, чтобы мне об этом сказали. Теперь ей уже ничего не нужно было говорить мне. Было понятно, что моя дочь лесбиянка. В Тунисе это табу! А что если бы мой отец узнал об этом, тогда почти семидесятилетний, глава семьи и хадж? Как отреагирует семья в Тунисе и вообще все родственники? Мы с мужем не знали, как с этим обращаться и решили поэтому сначала оставить это в тайне. Когда-то мой отец все-таки спросил меня, есть ли у моей дочери парень. Я ответила спонтанно: «Нет». Но потом добавила: «Но есть девушка!» Последовало долгое молчание. А потом он сказал к моей большой радости: «главное, что она счастлива». Мы с мужем смотрели на это точно также. Не смотря на это я не

>> РАЗРУШИТЬ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ РАСЩЕПИТЬ АТОМ

Р. Ведель,
Северный Рейн-Вестфалия

Меня зовут Р. Ведель и мне 48 лет. Я живу в Северном Рейн-Вестфалии и работаю психологом-консультантом. А еще я мать гомосексуального сына, которому 22 года.

могу по сей день говорить открыто о гомосексуальности в моем родном городе в Тунисе. Но когда нас спрашивают, мы постепенно говорим всем близким родственникам и хорошим друзьям. Все приняли гомосексуальность моей дочери. А если нет, нам все равно. Главное ясно: наша дочь — это наша дочь, и мы любим ее, неважно, гетеро- или гомосексуальной. Сегодня ей за двадцать и все по-прежнему хорошо. Ее лучший друг за это время тоже совершил каминг-аут и мы можем открыто говорить с ней о ее гомосексуальности. Наши отношения с тех пор улучшились. Наша дочь счастлива, и мы вместе с ней.

Я была свидетельницей того, как каминг-аут может стать горьким опытом для подростков и родителей. В нашем случае все прошло относительно мирно. Мы в некотором смысле всегда догадывались об этом — когда нашему сыну было шестнадцать лет, он признался нам в своей ориентации, и мы абсолютно расслабились. Единственное, о чем я подумала в этот момент, это что у меня не будет внуков и внучек. Из-за этого у меня сначала

• • • навернулись слезы на глаза, но я тут же рассмеялась над этой абсурдной мыслью. На подсознательном уровне мы понимали все, еще когда он был ребенком — наш сын отличался от других мальчиков в его возрасте. Он играл преимущественно с девочками и в детском саду он был почти всегда единственным мальчиком, которого приглашали на дни рождения к девочкам. В детстве он с удовольствием играл с машинками, но, однако, и очень много с куклами Барби. Так как мы относились ко всем детям одинаково, мы никогда не подавляли этого. Если на день рождения или на Рождество он хотел куклу Барби, то он получал ее в подарок.

Тогда мы впервые столкнулись с тем, что по всей видимости такие вещи кажутся ненормальными. Так, к примеру, бабушка отказалась подарить ему на Рождество Барби, которую он выбрал, с замечанием: «Настоящий мальчик с таким не играет». Позже мы также слышали комментарии типа: «Вы что хотите вырастить сына геем?» Мы тогда не понимали, почему никто из родни никогда не делал замечаний по поводу того, что любимыми игрушками нашей старшей дочери были машинки и инструменты. В школе, примерно когда ему было двенадцать лет, мы обнаружили, что, видимо, наш сын изгой — у него были знакомые в школе, но помимо школы он мало с кем встречался. По его словам его уже тогда обижали в школе из-за того, что он вел себя не по-мужски!! Не смотря на это, он с успехом прошел свой путь

и с радостью участвовал в школьных проектах, особенно в социальной сфере. Так как он был музыкально одарен, в школе его все знали. Однако его это нисколько не радовало.

Когда он познакомился с одним гомосексуальным учеником из другого класса, он начал понимать, что он вероятно не такой... Я помню как в четырнадцать лет он спросил: «Как я узнаю, что влюбился в девочку?» Как мать я ответила тогда совершенно невинно и в соответствии с его возрастом и очень пристально наблюдала за его реакцией. Но на 90 процентов я уже знала, что он гей. Когда-нибудь я хотела получить ответы на вопросы, которые назревали в моей голове. Поэтому мы испытали чувство облегчения, когда два года спустя мы узнали о его каминг-ауте. Он попросил нас держать это какое-то время в секрете, пока он сам не будет готов сообщить это своему окружению. То, что наш сын гей, стало абсолютно нормальной частью нашей повседневной жизни за последние шесть лет. Время от времени он берет нас с собой на «темные» мероприятия или даже просто посидеть в «темном» кафе. У нас, родителей, никогда не было проблем с его сексуальной ориентацией. Что касается моего опыта в этом кафе, то сходу мне на ум приходит, что нас как родителей там всегда все сердечно принимают, как друзья нашего сына, так и персонал. Никогда на нас не смотрели странно. Это очень важно, чтобы подростки знакомились с людьми, которые сами хорошо знают их ситуацию

и которым они могут задать свои вопросы. Это также может происходить в таких местах. В течении времени мы познакомились со многими приятелями нашего сына и слышали много рассказов о их каминг-аутах. Часто мне, как матери, приходилось с тяжелым сердцем слышать, как детей отвергали, или что после первой позитивной реакции на каминг-аут в последствие реакция менялась. Часто это не говорилось открытым текстом. А это все же оставляет глубокие раны.

«Разрушить предубеждение сложнее чем расщепить атом», — Альберт Эйнштейн. Эта фраза произвела на меня глубокое впечатление, когда я начала заниматься темой гомосексуальности. Некоторые истории очень тронули меня. Истории молодых мужчин, которые говорят, что родители отворачивались от них, отвергали их и выгоняли из дома. Или, что лично мне кажется очень страшным — это завуалированное поведение родителей. Так, после каминг-аута ребенку на словах сигнализируется понимание и признание, но впоследствии, чаще всего, каждый подросток чувствует, что это неправда. Это приводит его или её к новому конфликту. Почему родители говорят, что они принимают гомосексуальность, но просят никогда не говорить об этом тёте Ольге, дяде Фреду или сосед_кам? Просят не говорить пока младшим братьям и сестрам, так как они слишком малы для «этого»? В кругу друзей и подруг родителей никто ничего не знает и все продолжают спрашивать про девушку, если сын

присутствует на семейном празднике. Сыну говорят: «Малыш, тебе вовсе не нужно рассказывать всем, что ты гей». Или очень неоднозначно: «Конечно, твои друзья могут тут переночевать, но никаких мужчин, пожалуйста». Родители тут уже вероятно приняли гомосексуальность, но у них еще не было собственного каминг-аута в своем кругу общения. При таком поведении родителей молодые люди не знают как себя вести, не могут свободно раскрываться и никогда не знают, почему, собственно, так происходит. Такое поведение родителей я бы назвала психологическим террором, даже если он и не осознанный. Такое поведение может в перспективе привести к тому, что их дети станут очень грустными взрослыми, которые будут чувствовать, что что-то не так и что их до сих пор не приняли. Мой совет родителям: никогда ничего не скрывайте, говорите с сыном или дочерью открыто и честно о своих чувствах и мыслях. Это уже не маленькие дети. И я только могу посоветовать родителям собирать информацию на тему гомосексуальности. Это разрушит многие предрассудки и придаст сил родителям для собственного каминг-аута, когда они будут рассказывать про сексуальную ориентацию своего ребенка знакомым или родственникам.

>> Сын становится дочерью.

Мария Хельберт (74) принимает своего ребенка, даже если его теперь зовут не Рихард, а Регина, вопреки всем препятствиям в семье и в деревне.

Из Хрисмона (евангелический журнал, выпуск августа 2011); протокол: Ариане Хаимбах, фотограф: Олаф Тидье.

Я уже давно заметила, что Регина* — была несчастна. Ведь он жил вместе с женой и детьми в доме прямо рядом со мной. По вечерам там часто бывало громко. Но я никогда не решалась спросить, в чем дело. Помимо этого они ничем себя не выдавали. Они нравились друг другу и нравятся друг другу до сих пор. Раньше мы часто проводили время вместе. Раз в неделю мы вчетвером с моим мужем ездили в церковный хор.

Потом было письмо, она послала его всем одновременно: соседкам, коллегам и семье. Она писала, что она

уже с детства знала, что что-то не так, но сама не могла этого осознать. И что «после долгих рыданий и размышлений» она решила жить как женщина. «С этой минуты я Регина». Моей первой мыслью было: я виновата. Я ничего не понимала. Я никогда не занималась такими вещами. Я не могла поговорить с моим мужем, он уже тогда болел деменцией. Наверно так было даже лучше. Мне кажется, он бы не справился. В начале я много говорила со своей невесткой и плакала. Она защищала Регину. Только она одна знала, сколько лет та страдала. Но их брак все равно распался, я очень сожалею об этом.

Моей первой мыслью было: я виновата.

Я всегда хотела дочку, но у меня было четыре мальчика. Рихард был четвертым. Регина успокоила меня: «Нет, мама, это ничего не имеет общего с тобой!» А психолог из церковной общины объяснил мне: «Это называется транссексуальность, это такая склонность и встречается довольно часто». Почему я не заметила этого раньше? В начале я не могла смириться. Почему я не заметила этого раньше? Регина хоть и немного отличалась от своих братьев — она всегда была чувствительной и много плакала — но я бы никогда не додумалась до того, что она так страдает из-за своего тела. Сегодня я думаю, может быть бог подумал: кто как ни наша семья должна справиться с этим? Я вырастила четверых кровных и троих приемных детей. Любила я их всех. Когда я стала приемной матерью, мне пришлось научиться тому, что все люди разные и нужно принимать их такими, какие они есть.

Конечно переход был непростым. Сначала Регина выглядела еще как мужчина в женской одежде. Теперь она менее ярко красится, и это выглядит более естественно. Когда она уже после смены пола вернулась из больницы домой, я вынуждена была признать — теперь она точно больше не была мужчиной. Но самое главное, что она себя хорошо чувствовала. В ней появилось что-то сияющее! Раньше она была часто раздражительной, теперь она более уравновешена, стала мягче. Она даже сама обнимает меня.

Разочарование от церковной общины:

Мне было ясно, что я встану на сторону своего ребенка. Мои мальчики сначала не понимали этого. Они говорили: «Он не имеет права так делать, он же должен думать о детях и о жене!»

Но речь шла и о Регине. Никто не спросил о том, каково ей. Теперь я много читаю об этом. Раньше многие ухаживали из жизни, так как не решались открыться. Больше всего меня разочаровали некоторые люди из церковной общины. Они говорили: «Было бы желание, можно было бы все опять переиграть». В общем, Регина осталась виноватой во всем. Еще у нас был пастор на пенсии в общине, так он её обрабатывал, чтобы она пошла в группу взаимопомощи, где ей помогут опять захотеть быть мужчиной. Я думаю, такого мнения придерживаются большинство людей в деревне. Все на стороне моей невестки. Никто больше не приглашает Регину в гости, и я очень сожалею об этом. Регина очень ценный человек. Она многое потеряла, но и многое приобрела. Её идентичность и человечность — это все очень важно. Постепенно мы все привыкаем к этому. И её братья тоже. Теперь они опять вместе ходят в походы. Только вот я все еще иногда забываю про «она». На днях я позвонила ей, когда её дочь родила ребенка и сказала: «Поздравляю, дедушка!» Мы обе посмеялись над этим.

* Все имена были изменены редакцией.

>> Я СЧИТАЮ, ЧТО МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВМЕСТЕ.

Нургюль

Нургюль, 32, немка турецкого происхождения, мать, частная предпринимательница, гетеросексуальна, открыта, но все равно консервативна.

Когда моя сестра сказала мне, что она встречается с женщиной, я подумала и сказала: «Ну хорошо, если тебя это делает счастливой». Моя вторая мысль была: «Bir bu eksikti! [Этого еще не хватало] Сенгюль как всегда». Я спрашивала себя, почему ей нужно быть другой. У меня есть два мнения по этому поводу. Само собой разумеется, счастье моей сестры на первом плане, не важно, встречается ли она с мужчиной или с женщиной. Я считаю, что это в порядке вещей, когда люди проживают свою сексуальность, пока она никому не вредит. Это думает одна, открытая сторона меня. Другая сторона наоборот консервативна, конвенциональна; она хочет себе такую сестру, у которой есть муж и дети, классические жизненные и любовные отношения. Я, как и некоторые другие, надеялась, что это всего лишь фаза. Иногда я ловлю себя на том, что пытаюсь повлиять на нее. Напрасная забота, говорю я себе, ведь она не позволяет этого. Так что я смирилась с тем, что моя сестра лесбиянка. Принять это совсем я не могу, ведь для этого мне нужно быть убежденной в ее образе жизни,

а я не убеждена. Я чувствую, что это как-то противоречит природе, природе в смысле размножения, без донора спермы, когда два человека любят друг друга и в этот мистический момент создают ребенка... Даже если и в гей-лесби-коммьюнити есть протест, я считаю, что мужчины и женщины должны быть вместе. Мой сын, которому сейчас восемь лет, ничего не знает о том, что его тетя лесбиянка. Сенгюль многократно спрашивала меня, чего же я боюсь. Я хочу передать ему в первую очередь жизненные ценности и как мать хочу конечно же защитить. Когда он будет достаточно взрослым, чтобы понять, что такое гомосексуальность, я ему объясню. Моей дочери семь месяцев, так что вопрос о просвещении не стоит. Боюсь я в том смысле, что он слишком рано начнет разбираться в этой теме и когда-нибудь скажет, что тоже хочет попробовать. Я не хочу, чтобы мой сын был геем, но если он все-таки когда-нибудь решит так, я буду на 100% на его стороне. Я люблю Сенгюль и уважаю ее, даже если и не понимаю того, что она лесбиянка. Она для меня не только лесбиянка. Она ху-дожница, моя сестра, подруга, человек, которому я доверяю, тетя моих детей и многое другое. Я считаю, что нужно в первую очередь уважать человека самого по себе, а остальное, боже мой, я принимаю это и справляюсь с этим. Давайте тоже так и прекращайте бороться, это только внутренне разрушает.

>> ПОСЛЕ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА ПРОШЛО ЧЕТЫРЕ ДНЯ.

аноним

В этом рассказе мать пишет о недавнем каминг-ауте своего сына

Август 2011 года. Через два месяца моему сыну исполнится девятнадцать лет. До сих пор он во всем запаздывал по сравнению с другими. Мне кажется, что уже пришло время и для первой девушки. У его двоюродного брата, который младше его на пять лет, уже есть девушка. Но мой единственный ребенок ведет себя очень сдержанно. Дискотеки кажутся ему дурацкими, вечеринки тоже: «Что мне там делать? Они же там все просто нажираются». Если он куда-то и ходит, то к своему лучшему другу, который младше его на год и тоже без пары. Часто он остается с ночевкой. Я говорила со своим мужем: «Может быть такое, что между ними что-то происходит?» Муж успокоил меня: «Появятся и девочки». Две или три девушки нашему отпрыску даже понравились, но, по его словам, они были уже заняты. «И даже если он и гей, то так тому и быть». Я с этим тоже согласна. Я знакома с парой геев, которых очень ценю.

И тут мой ребенок приходит влюбленным из школы! Наконец-то! Но он не решается сблизиться. Это абсолютно нормально, успокаиваю его я, никто не хочет быть отвергнутым. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского. Недели спустя мой сын все намекает на свою влюбленность и свое смятение по этому поводу. Ничего конкретного из него выманить невозможно. Нако-

нец меня это уже почти стало раздражать. «Либо говори открытым текстом, либо помалкивай» — вертится у меня на языке, но я остаюсь терпеливой и пытаюсь помочь советом. Я даже увеличиваю его карманные деньги, что бы мой сын мог пригласить девочку на кофе. Деньги я получаю в тот же день обратно.

Между тем уже середина сентября. В понедельник днем я сижу в кабинете когда мой сын звонит чтобы просто сказать «привет». Он так делает время от времени. В этот раз разговор развивается неожиданным образом. В конце появляется имя, после чего он быстро кладет трубку. Мужское имя. Сначала я ни о чем не думаю. Потом «ну зачем?», а потом думаю о фильме, который мы смотрели за день до этого, в котором были зверски убиты несколько геев. Боже мой — «именно то, что было нужно». Я очень много думаю, но не могу удержать ни одной мысли.

Я звоню своему мужу. Он реагирует очень благоразумно: «Ну и что? Это ведь не страшно». Я знаю, что не страшно, но внутри меня все переворачивается. В конце концов речь идет о моем ребенке. Когда я возвращаюсь домой, этот ребенок лежит лицом вниз на кровати и не реагирует ни на одно обращение. Он также не приходит ужинать вместе с нами. Может,

>> МНЕ НЕ ВАЖНО ДОЧЬ У МЕНЯ ИЛИ СЫН, ГЛАВНОЕ ЧТО БЫ ОН БЫЛ СЧАСТЛИВ

• так и лучше — я слишком перевозбуждена для толкового разговора.

Во вторник меня немного отвлекает поход к зубному врачу. В среду мне нездоровится. На обеденном перерыве я просто разрыдалась и решилась довериться коллеге. Разговор пошел мне на пользу. Одновременно я чувствую себя предательницей собственного сына. Он ведь даже пока еще не говорил со своим отцом. А тот ведет себя с сыном как раньше, как будто ничего не знает. Тем не менее я все же решаю поговорить с сыном вечером и рассказать ему о моих опасениях и о том, что теперь станет еще сложнее найти подходящего партнера. Я получаю некоторые ответы на мои вопросы и узнаю между делом, что мой сын знает об «этом» уже 3 года. Я противостояю соблазну позвонить своей матери. Может быть, мой сын не хочет этого. Но у меня лопаается голова и в четверг я использую возможность поговорить с двумя коллегами. На это уходит почти вся первая половина дня, но девушки ведут себя здорово. Они выслушивают меня и несмотря на то — или как раз потому что — они не знают моего сына, благодаря их эмоциональной дистанции, они помогают мне прийти к тому, что мой сын не стал другим человеком после своего признания.

В этот вечер моего сына нет дома, что позволяет мне задать в гугл «мой сын гей». Так я нахожу страницу BEFAN и читаю там, что в принципе уже и так знала: мы не одни с такой историей,

а в гомосексуальности нет ничего ненормального — это скорее необычно. Мне становится легче. Шаткую надежду на то, что это все заблуждение, я отталкиваю подальше от себя. Ну значит «мальчик». Когда мой сын придет домой, я уже могу с неподдельным интересом спросить про «мальчика». А может быть, этот мальчик «нормальный», и в таком случае моему ребенку грозит особенно жестокий отказ. Я хочу уберечь его от этого, но скорей всего не смогу.

Удивительным образом мой ребенок ведет себя открыто и уверенно: «Да, возможно у нас что-то получится». Он уже осторожно заводил с ним разговор. Это было бы слишком прекрасным, чтобы быть правдой, если у него все получится с первого раза! Даже у гетеросексуалок и гетеросексуалов это редко получается. Однако я искренне ему этого желаю. Сегодня пятница. После телефонного разговора прошло четыре дня. Коллеги спросили, как дела у меня и у моего сына. Я вспоминаю про обращение, которое вчера прочитала в интернете. Должна выйти книга об опыте родителей детей, чей каминг-аут произошел не позже, чем за последние семь лет. Ну, тут я могу поучаствовать в разговоре. Я записываю то, что происходило в последние четыре дня, и когда я вижу все это черным по белому я уже почти спокойна. Через два часа мой сын придет из школы. Посмотрим, что нового он расскажет о «мальчике». По сути, я только хочу, чтобы он был счастлив в жизни.

Моему сыну 25 лет. Пять лет назад он сказал, что транссексуален. Мы живем в Берлине. Я мать, а он мой единственный ребенок.

Во время беременности я, как и многие другие, говорила, что мне не важно дочь у меня будет или сын — главное, что мой ребенок будет счастлив. Но хотела я все же девочку. В предвкушении я представляла себе свою жизнь с дочкой (совместные женские интересы или хобби, разговоры между дочкой и мамой, модные девичьи штучки и т.д.). У меня действительно родилась дочь. У нее были длинные волосы, девчачья одежда в пастельных тонах, сережки, цепочки, заколки, лаковые туфельки — все что любят маленькие девочки (по крайней мере большинство). Я могла воплощать свою мечту до того момента, пока моему ребенку не исполнилось пять лет. Потом все изменилось. Мой ребенок настаивал на своем. Хотел носить только брюки/штаны и никаких юбок и колготок и только короткие волосы. Женственную внешность больше не терпел, а дружить предпочитал с мальчиками. У нас дома был большой выбор игрушек для мальчиков (машинки, индейцы, кубики, детские автодромы, сабли и пистолеты). Должна ли я была уже тогда заметить, что мой ребенок не причислял себя к полу, в котором родился? Я никогда не занималась этой темой и понятия об этом не имела. Моя дочь отличалась от других девочек. Моя дочь была гру-

боватой и жесткой, а ее выбор одежды, интересов, музыки, хобби, спорта (дзюдо, футбол, хоккей) был как у мальчика. Ну и что? Все мы разные. Я понятия не имела, но мы живем не на острове. Родные, знакомые, друзья, коллеги и другие засыпали нас своими страхами, опасениями и умными советами по поводу того, что наш ребенок такой, какой есть. Говорили о том, в чем виноваты родители, что было бы хорошо, от чего нужно избавиться, почему мы терпим те или другие вещи и в каких случаях нам нужно настоять на своем. Моя дочь была не такой, какой себе многие представляют девочку. У этого были и преимущества. В то время как многие девочки после первого дня в школе испуганно и стеснительно стояли вдоль стены на школьном дворе, мой ребенок висел с мальчишками на дереве и очень веселился. Мне не было страшно. Мой ребенок был сильным, всегда пробивался сам, никогда не капризничал и не ныл, а был уверенным в своих аргументах.

В переходном возрасте изменений стало больше. В первую очередь внешне — мой ребенок стал панком. Изменения подкрались незаметно и довольно бурно развивались: сначала отвратительная сережка, крайне индивидуальный стиль одежды и украшений, разноцветный ирокез. Мой ребенок превратился в оборонительную крепость, с ног до головы оснащенную колючками. Все больше лака для волос — мой ребенок взорвал

• • • границы максимально допустимой нагрузки на фракцию бабушек и дедушек. Волновало ли меня это? Да, но гораздо больше я переживала за неприятие моего ребенка в обществе, за демонстрации, меры полиции, за ультраправых, возможно, наркотики и последствия. Такие вещи, которые действительно пугают. Единственное что мне пришло в голову по поводу внешности моего ребенка, так это то, что он, возможно, лесбиянка. Ну и что? Не важно. Каминг-аут произошел у нас дома. Только мать, отец и ребенок. Спокойно и без шока, хоть я и не рассчитывала на это. Инаковость моего ребенка наконец обрела название — транс-идентичность. Моя дочь стала сыном. Эта перестановка оказалась непростой. Было много вопросов, на которые отвечал мой сын и интернет. Много стало понятным, например, почему мой ребенок неудобно чувствовал себя в юбках, предпочитал общество мальчиков и мужскую одежду, прятал грудь за свободной одеждой и сутулостью. Я должна была ознакомиться с такими понятиями как психиатрическое сопровождение, юридическая процедура, медицинские возможности, транссексуальность, транс-идентичность, трансгендер, гормональная терапия, смена пола. Было много размышлений: сколько давления, отчаяния, смятений и боли, неприятия своего тела и сексуальности и поисков собственной идентичности мой ребенок должен был чувствовать и выдерживать один на один с собой на протяжении стольких лет. Мне было очень грустно представлять

себе это все и сопереживать. Что мы, родители, сделали не так? К счастью, наверное, многое мы делали правильно. Мы никогда не запикивали нашего ребенка в рамки женственности и не требовали женственной внешности или женственного поведения. Опасения, страхи: какотреагируют другие люди, окружение, родня, друзья. Какие социальные контакты ребенка сохранятся? Изменится ли ребенок? Только внешне? Гормональная терапия... необратима. Узнаю ли я своего ребенка после ломки голоса, появления растительности на теле и после того как уйдут округлости и мускулатура будет ярче выражена? А если он и внешне будет соответствовать одному из двух общепризнанных полов? Что будет происходить с его телом и здоровьем? Какие операции предстоят? Насколько все это опасно? Побочные эффекты гормонов? Как мой ребенок будет справляться? Вступит ли он в отношения? Будут ли его принимать, дискриминировать или применять к нему силу? Какие есть опасности? Станет ли мой сын счастливым? Новые опасения и страхи.

Я читала все, что попадало ко мне в руки — интернет и журналы — или смотрела документальные фильмы по телевизору. Внезапно это касалось и меня, и с каждой статьей и каждой передачей я обнаруживала скольких людей кроме меня это также касается. Мой сын поручил мне поставить в известность родню и близких знакомых. Было много вопросов и попыток все объяснить. Я слышала только положи-

тельные отзывы. Многие восхищались моим сыном, его силе и последовательности на пути, который он выбрал сам. Многие были под сильным впечатлением. Некоторые думали, что мне приходилось нелегко.

Было много грусти о годах, когда он разрывался на части в детстве и в подростковом возрасте. Часто задавались вопросы об операциях и сексуальности. Не на все вопросы я отвечала, только на самые базовые. Есть вопросы, на которые может ответить только мой сын, если сам этого захочет. Некоторые вопросы я считаю слишком интимными. Есть также люди, с которыми я уже давно не общалась или с которыми не общаюсь близко, но с которыми я раньше говорила о своей дочери. С ними я скорее говорю о «своем ребенке». Не хочу каждый раз все объяснять. Я больше не боюсь за своего сына. Он всегда был сильной личностью, самостоятельно и независимо проходил все психологические, юридические и медицинские препятствия. Это производило на меня сильное впечатление и вызывало гордость.

Благодаря моему сыну я познакомилась с лесбиянками, геями, бисексуальными и транс*людьми и узнала о ЛГБТ* мероприятиях.

Моя жизнь стала разнообразней и очень обогатилась из-за этого. Я встречала интересных людей. Мне не важно, сын у меня или дочь, главное что бы он был счастлив.

Мой ребенок был и останется моим ребенком. Мой сын состоит в счастливых отношениях. У меня появилась обворожительная, добрая и умная невестка.

Наши отношения с сыном не изменились. Мы любим друг друга. Годами мне приходилось слышать: «Ведь это не нормально!» В большинстве случаев это относилось к «инаковости». Иногда я даже в это верила! Сейчас я знаю, что это не так. Понять это мне так же помогло одно стихотворение (не помню кто его написал):

Нормально

*Ли́за сли́шком большо́я, Анна сли́шком небольшо́я.
Дание́ль сли́шком то́лстый, Эми́ль сли́шком худо́й.
Фри́ц сли́шком за́крытый, Фло́ра сли́шком о́ткрытая.
Кла́ра сли́шком краси́вая, Э́рвин сли́шком уро́дливы́й
Га́нс сли́шком глупы́й, Са́бине сли́шком умна́я.
Тра́удель сли́шком ста́рый, Тео сли́шком мо́лодой.
В ка́ждом/о́й че́го-то сли́шком мно́го,
че́го-то сли́шком ма́ло.
Ка́ждый/а́я в че́м-то ненормале́н/льна.
Есть ту́т кто-то, кто нормале́н/льна во́ всем?
Не́т, ту́т не́т нико́го, кто нормале́н/льна во́ всем.*

Это нормально!

>> ИНТЕРВЬЮ С СУПРУГАМИ А.

Из книги Томаса Раттай
«Полный вперед.
Геи и лесбиянки с инвалидностью»,
молодежная
ассоциация Ламбда

Супруга А

Я медсестра и работаю по сменам в отделении кардиологии. Мне очень нравится моя работа, и я с удовольствием туда прихожу. Работа очень насыщенная, хоть и иногда изматывающая.

Супруг А

Я владелец предприятия, которое обслуживает адвокатов и нотариусов. Также у нас есть небольшое юридическое издательство и магазин специальной юридической литературы. Изначально я учился на помощника адвоката и юриста.

Супруга А

У нас двое детей. Сыну 25 лет, а дочери скоро исполнится 24 года. Они оба прекрасно развиты. После школы они съехали от нас. Дочь делит квартиру с подругой, а сын живет со своей девушкой, которая еще учится в университете. Мой сын получает профессиональное образование, а дочь на данный

момент изучает жизнь и все что к этому относится. Надеюсь, что она все же опять начнет учиться в ВУЗе. Она интересуется социальной педагогикой. Я узнала, что она уже подала документы. Теперь нужно будет только ждать. В этот раз она не упомянула свою инвалидность, хотя это значительно улучшило бы её шансы на поступление. Она отказалась от упоминания инвалидности, так как у неё уже был негативный опыт, когда она искала стажировку. В её резюме было указано, что у неё инвалидность тяжелой степени, что в итоге послужило причиной тому, что ей отказали. Католицизм наложил сильный отпечаток на меня и на жизнь всей нашей семьи. Это относится и к теме этого интервью. Мои католические корни сопровождают меня на протяжении всей моей жизни. До сих пор я пытаюсь разобраться в этом и задаюсь вопросом о том, что религия может сделать с человеком и где проходят мои собственные границы. Я из маленькой, очень католи-

ческой деревни, которая находится на реке Мозель. В детстве нам нельзя было играть с детьми евангеликов. В дом приходил пастор и говорил, что ему нравится, а что нет. Мне уже тогда это казалось слишком строгим. Спустя время я могу сказать, что нам запрещалось все, что доставляло удовольствие. Я должна была исповедоваться и рассказывать, что я делала и что случилось плохого для того, чтобы мне отпустили мои грехи.

Супруг А

Я тоже вырос в католической семье в городе недалеко от Мозеля. В молодости я активно принимал участие в работе с католической молодежью. Впоследствии это стало причиной тому, что я рано вышел из церкви в тот момент, когда я стал серьезно заниматься темой католицизма.

Супруга А

Мне было 16 лет, когда мы с ним познакомились. Я тогда работала няней у его соседей. В первый раз наши взгляды пересеклись, когда мы смотрели друг на друга из окна. Ни у кого из нас не хватило смелости завести первым разговор. Прошло шесть недель прежде чем мы обменялись первыми фразами. Я вскоре представила его своим родителям. В маленькой деревне по-другому никак. Мне было двадцать лет и девять месяцев, когда мы поженились. На самом деле мы поженились потому, что мой муж тогда работал во Франкфурте, но не был моим мужем на тот момент. Я тоже хотела в большой город, но

мои родители были против. Вот мы и поженились из-за любимой семьи. В августе вот уже будет 36 лет как мы вместе. С ума сойти, не правда ли? Я думаю, это было хорошее время.

Супруг А

В самом деле с ума сойти! Все как надо. Взлеты и падения, радость, раздумья и решение завести детей — все как надо.

Супруга А

Мы часто переезжали, и это всегда было прощание со старым и новое начало.

Супруг А

Из Мозеля мы переехали во Франкфурт и оттуда в небольшую деревню в Рейнгессен. Там и родились наши дети. Оттуда мы потом переехали в Рурскую область и после — в Берлин. Все эти переезды были из-за работы вплоть до основания предприятия в Берлине. Это к лучшему, что мы через Франкфурт уехали из этой дыры в столицу. Конечно, эти переезды «стоили» нам ряда расставаний. Но это также означало знакомства с новыми людьми и новые задачи.

Супруга А

У нашей дочери очень плохое зрение, которое ухудшалось поэтапно. В возрасте восьми лет она часто жаловалась на головные боли. Детский врач отвечал на это, что ей следует реже смотреть телевизор. Так как это не могло быть причиной, мы обратились к окулистке, которая установила девятипроцентное зрение и объяснила,

... что остальные десять процентов очки не исправят. Обширное и неприятное обследование в университетской клинике показало, что у моей дочери может быть болезнь Штаргардта. Болезнь, которая проявляется в возрасте между пятнадцатью и семнадцатью годами. Нам сказали, что она не ослепнет, но будет видеть только силуэты, а также, что на данный момент это не лечится и предотвратить возникновение болезни невозможно. Нам было сложно это осознать. Наша окулистка пояснила, что обследование в клинике допускает такую возможность, что наша дочь может заболеть этой болезнью из-за генного дефекта, который до сих пор не проявлялся в наших семьях. Я стала собирать информацию об этой болезни. В моем распоряжении тогда было очень мало информации. Ежегодные посещения окулиста стали для нас обычным явлением. Ухудшений не последовало, и головные боли прошли. Когда моей дочери было пятнадцать лет, я заметила, что при чтении она очень близко подносит книгу к глазам. Когда мы спросили её об этом, она сказала, что в школе плохо видит некоторые вещи, и её подруги записывают их для неё. Мы не заметили очевидного ухудшения её аттестатов и сложностей в быту. Но обследование, к сожалению, показало болезнь Штаргардта. Существенных изменений в повседневной жизни нашей дочери не произошло. До окончания школы ей оказывалась помощь и поддержка учительниц и учителей, в том числе, и для сле-

пых людей. Подруги и друзья также поддерживали нашу дочь. В этом отношении инвалидность не отразилась на «нормальных» буднях. Насколько мы могли, мы старались поощрять и поддерживать самостоятельность нашей дочери. Но этот диагноз заставил меня горевать и чувствовать себя беспомощной. Дальнейшее ознакомление с информацией, знакомства со слепыми людьми, контакты с организациями слепых показали мне, что моя дочь сможет вести «нормальную» жизнь несмотря на плохое зрение. В повседневной жизни я обращаю внимание на то, что это ограничение есть, когда расспрашиваю свою дочь. Она видит всеми своими чувствами, она твердо стоит на ногах в жизни и, на мой взгляд, она хорошо справляется со своей инвалидностью. Это вселяет в меня радость и смелость.

Супруг А

Я могу только присоединиться к рассказу моей жены. Но из-за моей профессиональной занятости я был все-таки намного дальше от ежедневных проблем, чем моя жена. Инвалидность моей дочери меня печалит, ведь в общем никто не хочет таких особенностей для своего ребенка. Но наблюдая за тем, как живет моя дочь, я вижу, что и с плохим зрением можно жить полной и счастливой жизнью.

Супруга А

Моя дочь сделала каминг-аут на рождественском базаре. До этого она часто упоминала чье-то имя. На рождественском базаре, когда мы покупали

свечи, возле нас стояли две женщины, которые любят женщин. Моя дочь сказала мне: да и я люблю женщину. Что могла подумать в первую очередь мать? Боже, у меня не будет внуков. Но это было только в первый момент, потом все было в порядке. Я знаю, что в наше время есть множество способов завести ребенка. Моя дочь хочет детей. Пока что. Не знаю, изменится ли это. Сперва она хочет путешествовать.

Супруг А

Мне кажется, я узнал об этом здесь, дома. Во время совершенно обычной встречи, без церемоний и без сложностей. По крайней мере, у меня не было такого ощущения. Это было более или менее просто сообщение о том, что это так. С моей стороны не последовало никакой особенной реакции, просто это было так, и я принял, что это так. Мне это не доставляло проблем, покуда не было причины разбираться в том, что моя дочь вступила в лесбийские отношения. Самое главное, что она довольна своей жизнью и что она хорошо обращается с собой и со своей партнеркой. В этом плане для меня не играло роли, с кем она пытается быть счастливой.

Супруга А

Наша дочь была на седьмом небе. Что можно против этого возразить? Я желаю ей в будущем, чтобы у нее было все хорошо и чтобы она нашла еще любовь. В настоящий момент она снова одна. Я думаю, она немного страдает от одиночества.

Супруг А

Мне кажется, хорошо, когда люди говорят об этих вещах. Это должно быть естественным. Все должны открываться. Пока церкви не открыты для этих тем, придется еще долго бороться.

Супруга А

То, что сказал Папа Римский, что все геи не могут принимать таинства, делает все еще сложнее. Это опять двойная мораль. Меня поражает, что церковь снова лезет туда и отрицает гомосексуальность. Это укрепляет двойную мораль. Моя младшая сестра хорошо отреагировала на известие о том, что моя дочь лесбиянка. Для нее это было и остается нормальным. Моя старшая сестра по сей день не поняла, что у Мари есть девушка. Когда я рассказываю ей, что она уехала со своей девушкой, она понимает «подружка», но не «возлюбленная». Я имею в виду, она до сих пор не поняла этого. В представлении моей старшей сестры этого просто не может быть, что нашей дочери нравятся женщины, что она лесбиянка.

Супруг А

Но ей никто напрямую и не говорил. Поскольку мы не знаем, как бы она отреагировала. Это было бы очень интересно узнать.

Супруга А

Я бы ей этого не говорила.

••• Супруг А

Но это не обязательно. Но может быть, что ее реакция нас абсолютно удивила бы. То, что она не может себе такого представить, это еще и из-за того, что она скорее всего вообще не сталкивалась с этой темой. До сих пор у нее точно не было повода для этого.

Супруга А

Мы много тем обсуждали с сестрой. Мы постоянно обращали внимание на то, как она реагирует на определенные вещи. У меня нет повода объяснить ей это. Она так далеко живет. Когда она приедет, это будет слишком рано. Самое позднее, когда наша дочь решит жениться, тогда она узнает.

Супруг А

Мы думаем, что она не отреагирует так спокойно, как мы. Возможно, у нее тоже есть лесбийские мечты, но мы не можем этого оценить. Может быть, она просто боится говорить об этом. С другой стороны, мы в нашей семье долгое время не сталкивались с гомосексуальностью и лесбийскими темами. За этим столом мы не говорили о гомосексуальности и лесбиянках. Так и во многих других семьях. Поэтому они так сильно удивляются такому развитию. Из-за переезда из провинции в большие города у нас появлялись контакты с лесбиянками и геями, например, когда мы пили кофе в кафе Берио или в Английском Саду. Это была такая тема, которая как-то с определенного времени стала частью нашей жизни. Мы, как возможно и многие другие

семьи, не тематизировали этого, но это и не было большим взрывом, ведь это более или менее было частью жизни.

Супруга А

Первых лесбиянок и геев мы встретили во Франкфурте. Нам тогда было от двадцати до тридцати лет.

Супруг А

Наши дети узнали о других сексуальностях раньше. Во времена нашей молодости гомосексуальность была еще уголовно наказуема.

Супруга А

Когда я была ребенком и подростком, дети не говорили об этом, а если и говорили, то очень тихо, чтобы никто не услышал. Во Франкфурте у меня был коллега, о котором я знала, что он гей. Это было нормальным, это был большой город. В Рурской области я никого не знаю, кроме одной подруги, у которой есть еще несколько подруг-лесбиянок. Сейчас у меня есть одна сотрудница, сын которой, по ее словам, проявляет склонность к гомосексуальности. Его отец увидел на их общем компьютере, что сын посещал гейские сайты. Я рассказала им конечно про Ламбду. Я думаю, мальчик справится с этим.

Супруг А

Я думаю, что родителям было бы хорошо задуматься о том, что мы рассказываем детям, когда рассказываем о сексуальности. Мы показываем им своим примером те отношения, которые есть у нас. Рассказ о том, что бывают другие союзы, должен быть частью сексуального просвещения. В рамках просвещения нужно было бы сказать: вот есть наша семья, а есть еще и альтернативы. Тогда и не будет проблем позже, если кто-то начнет развиваться в другом направлении, из которого он/а будет черпать опыт и силы. Мы говорим, что «общество» еще не принимает гомосексуальность, но мы и есть это «общество». Мы должны начинать показывать эти альтернативы как что-то естественное.

Супруга А

Это должно быть в порядке вещей, чтобы учителя по сексуальному просвещению говорили об этом. Это факт, которого нельзя отрицать. Во времена моей юности этого не было, это было неизвестно. Об этом шептались, но не говорили открыто. Я не хочу сказать, что наш жизненный путь единственно правильный. Для нас обоих он правильный. Гетеросексуальным парам не задают вопрос, как они живут. Но если кто-то гей или лесбиянка, тогда все совсем по-другому. Для меня важно, что наши дети могут любить. Я считаю, что любовь это наивысшее благо, которое у нас есть. Счастье... Чистого счастья не бывает. Жизнь это спектр, и в ней есть и грусть, и замешательство, и счастье. Это настоящая жизнь. Я счи-

таю, что желаю своей дочери и всем другим людям хорошей жизни. Я говорю не только о своей дочери, но именно ей я этого особенно желаю. Я думаю, она будет идти своим путем, а мы ее будем сопровождать, если сможем, и если она захочет этого. Она должна жить и любить так, как она этого хочет.

>> МЫ СОВЕЩАЕМСЯ О ТОМ, КАК МЫ МОЖЕМ ПОДДЕРЖИВАТЬ НАШИХ ДЕТЕЙ В

ИХ СТРЕМЛЕНИИ БЫТЬ ПРИНЯТЫМИ В ОБЩЕСТВЕ.

Семья К. из Дрездена основала родительскую группу после того, как оба их ребенка сначала сказали, что они лесбиянки, а впоследствии открылись как трансмужчины.

«Проблемой» нашей семьи стал не сам каминг-аут, а процесс самоопределения нашей старшей дочери. Несмотря на то, что она жила далеко от нас, мы всегда хорошо общались. Внезапно прекратились визиты, телефонные звонки и письма. Мы переживали по поводу чего обычно все переживают: секты, наркотики, ВИЧ? Тут следует упомянуть, что все значимые изменения мы обсуждали всей семьей. Поэтому в этот период неизвестности нам было очень тяжело, несмотря на то, что нас утешала наша вторая дочь. Обе сестры отлично понимали друг друга и это нас в некоторой степени успокаивало. Потом наша старшая дочь начала жить со своей давней подругой, которая переехала к ней, так как начала учиться в том же городе. Впоследствии обе сказали, что они лесбиянки, о чем мы уже догадывались. Год спустя наша дочь объяснила (сначала отцу), что

чувствует себя мужчиной. Он испугался, но опасался по сути того, что нашего ребенка будут дискриминировать или не примут в обществе. Кроме того он расстроился из-за того, что у него не будет внуков и внучек.

Первое чувство и последующая реакция мамы были такими: «Слава богу, ничего страшного! Ну хорошо, в таком случае у нас теперь сын. Самое главное, что наш ребенок не станет от нас отдаляться и наконец вновь обретет душевное равновесие». Теперь нужно было уже в конце концов положить конец глупым вопросам: «Когда старшая дочь выйдет замуж? А дети у неё уже есть?»

С позволения нашего сына мы, сияя от счастья, открылись всем родственникам и близким знакомым, прежде всего во избежание перешептываний

и догадок. На самом деле мы очень гордимся нашим сыном, который смело справлялся со всеми изменениями. Ему также очень повезло, что рядом с ним любимый партнер. Когда мы вместе с ним ходили в уютный тематический бар, мы чувствовали, как нас там принимали как родителей. Мы были счастливы. Теперь мы очень надеемся, что применение законов о партнерстве и транс-идентичности на практике позволит им «нормально» жить в обществе. Они бы с удовольствием поженились и удочерили/усыновили бы ребенка.

Тем временем наш второй ребенок прошел через тот же процесс. Так что теперь у нас два уверенных в себе сына. Поэтому мы создали группу для родителей лесбиянок, геев, транс*- и бисексуальных людей. Раз в месяц мы встречаемся для того, чтобы по-

мочь друг другу, обмениваться опытом, и совещаемся о том, как мы можем поддерживать наших детей в их стремлении быть принятыми в обществе.

В Дрезденской НКО «Слухи — гомо, би и транс» нам оказывают профессиональную помощь, а на конгрессах Федерального объединения родителей, друзей и близких гомосексуалов и гомосексуалок помимо получения информации у нас появляется возможность вступать в разговор с ведущими политиками всех партий и отстаивать интересы наших детей, добиваясь таких мер, как принятия антидискриминационного закона и закона об однополном партнерстве.

>> Мои мама
и отчим любят
меня таким,
какой я есть,
и поддерживают
меня.

Это очень
приятно.

*Письмо матери 48 лет, написано совместно с ее сыном геем.
Они живут в городе Билефельд с отчимом.*

Дорогие родители, я знаю, что эта брошюра написана родителями для родителей, но для меня важно, чтобы мой сын тоже высказался, ведь эта тема касается его больше, чем меня. Он, будучи геем, строит свою собственную жизнь со всеми взлетами и падениями. Я могу только поддерживать его, любить и принимать его таким, какой он есть, быть рядом, оказывать помощь и отстаивать его права.

● Не смотря на то, что на сегодняшний день складывается такое впечатление, что гомосексуальные люди нашли свое место в нашем обществе, их принимают еще далеко не все. Многие люди просто не могут себе представить, что двое мужчин или две женщины могут любить друг друга и жить вместе. Я хочу вам рассказать о каминг-ауте на примере своего личного опыта. Сейчас мне двадцать один год, мой каминг-аут был три года назад. Мои отношения с моей мамой, которая воспитывала меня одна, всегда были близкими. То, что я отличался от других мальчиков, вообще-то было всегда понятно. Я никогда не был «типичным» мальчиком, интересующимся футболом, техникой и машинами. Меня интересовала скорее (и интересует по-прежнему) сфера музыки, искусства и танцев. Особенно в конце школы я довольно сильно страдал, потому что чувствовал, что не вписываюсь. На одной перемене несколько мальчиков начали говорить о геях. Их мнения об этом были очень однозначными: они считали это странным, а один из одноклассников считал это даже мерзким и не мог понять, как вообще можно быть «такими». Когда я услышал это, я был в большом шоке и стал избегать этих парней еще больше. «Гей» использовалось часто и как ругательство, они не думали о том, что они вообще говорят. Я никогда не интересовался девочками. До поездки с классом в Берлин я влюбился в одного одноклассника и должен был

все время скрываться. Тогда я стал еще более закрытым. На уроках я был все время тихим и разбирался в неизвестных мне до тех пор чувствах. Все остальное было для меня неважным. По причине того, что я никогда не высказывался о потенциальных девушках, пара одноклассников спрашивали меня, не гей ли я. Но я всегда отрицал это. Эти скачки чувств и моя роль аутсайдера сделали меня депрессивным. Из-за этого я стал получать плохие оценки. Такие плохие, что я думал, что не закончу школу. Но этого слава богу не случилось. На выпускном я радовался, что в будущем не увижу никого из этого класса. В одном христианском кружке у меня был руководитель группы, с которым мы хорошо понимали друг друга, и я чувствовал, что могу ему все рассказать. Тогда я начал рассказывать о своей ситуации. Я рассказывал ему, что на тот момент я больше хотел встречаться с парнем, чем с девушкой, и что девушки меня не интересовали. Он сказал мне тогда, что я должен дать себе время, подумать об этом и посмотреть, не фаза ли это все-таки. Но я ему сказал, что это продолжается уже долгое время и что это точно больше не фаза. В одном из e-мейлов после этой встречи он написал, что я должен начинать молиться, потому что бог любит гомосексуальных людей, но не то, что они практикуют свою сексуальность. Сатана будет искушать меня и манипулировать мной посредством грязных мыслей, чтобы отвернуть меня от бога, но я мог

• бы «ОТМОЛИТЬ» свою гомосексуальность! Он подчеркнул это различными цитатами из Библии. Я показал эти е-мейлы своей маме, которая тогда уже знала, что я гей. Она была вне себя от ярости и возмущалась, с какой стати этот человек чувствует себя в праве так обижать и запугивать ее сына и манипулировать им. После этого она написала этому человеку резкий е-мейл. Ответ был скудным: он преуменьшал серьезность своих высказываний и говорил обидями. После этого я сразу прервал с ним общение. Я был очень рад, что моя мама поддерживала меня в этой ситуации и не оставила одного. Я был очень счастлив, что она принимает мою гомосексуальность и гордился, что она встала на мою сторону в этой ситуации. Я часто читал в интернете о гомосексуальности и понял, что это совсем не плохо — быть другим. Я читал на разных форумах о том, как другие мальчики вели себя, когда замечали, что они геи. Кроме того, я прочитал много историй каминг-аутов других геев. Я заметил, что видел в них себя, и что эти ситуации не казались мне чужими. Постепенно я избавлялся от своих страхов и сомнений, так что в конце концов я мог быть честен со своей совестью. В этом мне помогла и одна консультация в организации «Pro Familia». Я хотел поговорить с кем-нибудь, кто мог бы рассказать мне о гомосексуально-

сти. До этого я написал себе небольшую записку на бумажке, потому что очень нервничал и потому что мне казалось странным открывать свою сексуальность кому-то чужому. Но все сработало, и этот разговор мне помог. Я получил множество информации и брошюр, и сотрудник рассказал мне, что в Билефельде скоро будет гей-парад. Конечно, у меня в голове сразу всплыли картинки людей в ярких разноцветных костюмах, которые танцуют и визжат на улицах, как будто завтра никогда не наступит. Но это было совсем не так. В вышеупомянутый день я пошел туда со своей мамой, и сначала мы посмотрели всякие информационные палатки. Мы бесцельно ходили по улицам, потому что никого не знали. Когда мы уже хотели уходить, мама обратила внимание на информационную палатку молодежной гей-группы, которая в скором времени планировала организовывать регулярные встречи. Я очень стеснялся и не решился поговорить с сотрудником, но мысль о том, что я мог бы познакомиться с другими подростками геями, живущими по соседству, меня очень вдохновляла. Так что я собрал всю смелость и взял контактные данные. Потом я некоторое время переписывался с основателем группы на немецком до того, как пришел на первую встречу. Я страшно волновался и нервничал, потому что впервые встречаюсь с

гомосексуальными подростками. Основатель группы принял меня очень мило и показался на первый взгляд очень симпатичным. На первой встрече нас было целых три человека. Встречи проходили раз в неделю и через некоторое время стали приходить новые подростки. Мы всегда много чего предпринимали. Ходили в кино, делали шашлыки, играли в боулинг или просто встречались в центре для молодежи и общались. Из-за того, что я учился и работал допоздна, я, к сожалению, не мог ходить в группу регулярно. В то время я получал образование помощника сиделки. По моему опыту в сфере социальной работы гомосексуальность практически не тематизируется. Это не было там табу, меня спрашивали, гей ли я, и я положительно отвечал на этот вопрос, не боясь последствий. Летом моя учеба закончится, а после каникул я начну учиться на преподавателя гимнастики. Я уже с нетерпением жду этого. В заключение я могу сказать, что моя жизнь изменилась на 180 градусов после каминг-аута, и что я очень доволен собой. Наконец-то я могу жить так, как я хочу и буду идти тем путем, который считаю для себя правильным. Я до сих пор удивляюсь тому, как я расцвел после каминг-аута. Я рассказываю о себе не каждому, но если я знаю человека и доверяю ему, тогда я говорю о том, что я гей. Я не хочу говорить об этом каждому, но я и не

должен. Если люди с кем-то знакомятся, в моем случае с молодым человеком, они сначала всегда притворяются и врут, потому что никогда не знаешь, как человекотреагирует. Если ты рассказываешь старому другу о своих чувствах, и он из-за этого больше не хочет дружить с тобой, то он никогда и не был другом тебе. Мои мама и отчим любят меня таким, какой я есть, и поддерживают меня. Это очень приятно.

Как мать я тоже хочу сказать пару слов. Мне сорок восемь лет, я живу неподалеку от Билефельда. Я работаю секретаршей врача. В свободное время (которого у меня немного) я люблю читать и общаться с людьми. Вообще-то я уже довольно долго предполагала, что мой сын, возможно, гей. Я пыталась выманить его из укрытия высказываниями типа: «Ты можешь говорить со мной обо всем, неважно о чем». Я не хотела спрашивать его напрямую, потому что уважаю его личную жизнь. Однажды вечером я увидела длинное письмо в конверте на своей подушке. Там он все написал от души. Я была рада, что он наконец открылся, обняла его на следующий день и сказала, что я на его стороне, и что он не один. Мне было жаль, что он так долго мучился и не мог раньше поговорить об этом. Это ведь совсем не легко. Подростки, которые замечают, что у них есть чувства к своему же полу, вынуждены сначала сами

• • • разобраны в том, что вообще с ними происходит. Через некоторое время я рассказала это моему мужу и он отреагировал точно так же, как и я. Я очень радовалась, ведь он бы мог и совсем по-другому отреагировать. У отцов иногда бывает больше проблем с сыновьями-геями, чем у матерей, как мне кажется. Мое отношение к сыну не изменилось. Мы говорим обо всем открыто. Мой сын остается моим сыном, гей ли он или гетеросексуал. Мое отношение к гомосексуальности не изменилось. Что я могу посоветовать другим родителям, у которых сын гей или дочь лесбиянка? Любите своих детей такими, какие они есть, и не отталкивайте их! Поддержка семьи это самое важное. Никто не сделал ошибок в воспитании. Ведь это вопрос, который родители часто задают себе. Кроме того, существует федеральный союз родителей, друзей и близких гомосексуальных людей — BEFAN. Я

состою в BEFAN и регулярно хожу на собрания родительской группы поддержки. Мы встречаемся раз в месяц, обмениваемся новостями, можем говорить полностью открыто и помогаем родителям, у которых есть проблемы. Мы хотим защищать права наших детей и бороться за них. Некоторые из нас пойдут на гей-парад и организуют там стенд, у которого они будут информировать других и веселиться. Каждые два года BEFAN организует федеральную встречу, которую я могу только порекомендовать. Там можно познакомиться с хорошими людьми, с которыми с самого начала можно открыто говорить, потому что у всех такая же ситуация. Наверное, гомофобии было бы меньше, если бы в садах и школах больше рассказывали о гомосексуальности. А пока у нас еще много дел.

Анке
Фишер

>> МОЙ МУЖ УЗНАЛ
РАНЬШЕ МЕНЯ.

Анке Фишер, 46 лет, пишет о каминг-ауте своей дочери, своем муже и о второй дочери в семье.

Наша дочь открылась перед нами — ее родителями — около пяти лет назад. Мой муж узнал об этом раньше меня. И он мне ничего не сказал!!! Ситуация, которая не могла быть однозначнее, обрушилась на меня, и в первый момент я не знала, что и думать об этом... В это время мы, родители, из-за работы виделись только по выходным. Я и так была несколько уязвлена тем, что наша дочь очевидно доверяла папе больше, чем мне. Я, которая делила с ней быт, не знала самого главного! После этого «случая» мы обе выговорились. Я сказала ей, что я всегда за нее, но я могу поддерживать ее с чистой совестью только если знаю, что происходит. Как справляясь с ситуацией мой муж, я честно говоря толком и не знаю. В будние дни он был не дома, а жил и работал в Берлине, городе, который казался ему вполне толерантным по отношению к интернациональным жителям и ЛГБТ*-сообществу. Я думаю, что ему это очень помогло. Я работала в большой центральной аптеке в центре Магдебурга и каждый день сталкивалась с большим количеством людей. Я стала внимательнее наблюдать и заметила, что уже знала много людей, которые были лесбиянками и геями. Я видела, как «обычные» люди реагировали на них, общались с ними. Моя тогдашняя рабочая команда — в среднем все были на 15-20 лет моложе меня — восприняла эту новость очень спокойно. Их положительная реакция мне очень помогла! Это все-таки уже другое поколение. Оно более открыто, толерантно. Через некоторое время

после описанного выше «случая» моя дочь рассталась со своей девушкой. Не складывалось. Возникла ли у меня тогда надежда, что все это все-таки ошибка? Нет, вообще-то нет. Мы приняли это, и это стало частью нашей жизни. Не прошло и полгода, как я услышала «Мама, я кое с кем познакомилась». И, что я могу сказать, эта девушка — это вторая дочь, о которой мы всегда мечтали!!! За это время они помолвились и хотят в следующем году пожениться. С такими планами несомненно возникает вопрос о внуках. Желание, которое, конечно, не так просто исполнить... Круг наших ближайших родственников, к сожалению, уже значительно сузился. Моя мать, очень важный для меня человек, умерла еще в 1994. Она была очень горда своей внучкой и спрашивала во многих вопросах ее совета. Мой отец, сейчас ему 77 лет, отреагировал на эту новость удивительно. Я этого не ожидала и была приятно удивлена. Он очень полюбил новую спутницу жизни внучки, так же как и мы. И он с нетерпением ожидает следующего года! Мать моего мужа — сейчас ей 80 лет — как и прежде не особо может понять это все (возможно, это зависит от воспитания и от того, как в их семье традиционно распределялись роли в браке). У остальных родственников — дяди, тетя, двоюродных братьев и сестер — вроде бы нет с этим проблем. Они точно так же, как и раньше, ходят с нами и нашими обеими дочками в общественные места. Настоящих предрассудков мы пока не встретили. Хотя, один раз была ситуация, когда

группа девочек очень громко негативно выражалась о проходящих мимо державшихся за руки лесбиянках. Они не знали, что мы с мужем тоже идем с ними, и очень быстро заткнулись, когда заметили, что они не одни, и их аргументы против нас безосновательны. О проблемах, с которыми могут столкнуться однополые пары, люди думают, только когда сами сталкиваются с этим. Мы часто читаем в интернете статьи на разные темы, такие как брак или усыновление/удочерение детей. Я просто задавала слова в поиск и выходила на различные странички. Наша дочь и ее девушка часто присылают нам статьи по e-мейлу. Они обе выбрали интересную специальность «Прикладные исследования детства». В университете они делали реферат на тему «радужные семьи» и присылали нам концепцию своей работы. Тема из их личной жизни. Полноценная маленькая семья. Может быть, эта мечта однажды исполнится? Благодаря им я узнала, например, о Мирьям Мюнтеферинг. Я прочитала ее автобиографию и несколько романов. В нашей семье за последние два года произошел еще один гомосексуальный каминг-аут. В разговорах с матерью этого человека выяснилось, что после каминг-аута ее сына у нее не было никакой поддержки со стороны семьи и окружения, так что ей не с кем было и поговорить. У нее были такие сильные психологические сложности, что ей пришлось обратиться за профессиональной помощью. Сейчас она ходит в группу поддержки. Вообще впервые она поговорила именно

со мной об этом, и я надеюсь, что это ей правда помогло. Это говорит мне о том, насколько важна эта брошюра. В заключение я хочу просто сказать: мы любим наших обеих дочерей и мы готовы поддержать их советом и делом во всех их начинаниях. Остальное сделают они сами. Они открыто обращаются со своей любовью и дружеский круг принял их как пару.

>> КАМИНГ-АУТА НЕ БЫЛО.

Письмо матери, которая сначала не была в восторге от идеи писать это письмо, потому что она никогда и не ожидала, что оба ее ребенка будут гетеросексуальными. Так что каминг-аута не было.

Мои дочери родились 25 и 22 года назад. Нам не нужно было «каминг-аута», потому что нормы в нашей семье не такие узкие. Моя старшая дочь говорила раньше открыто о своих отношениях с женщинами и говорит со мной о своих отношениях с мужчиной сейчас. Когда наши дети были маленькими, мы с их отцом жили довольно обособленно на окраине деревни. Нас, бывших прежде городскими, потянуло после учебы в деревню, где мы были счастливы с лошадьми, овечками, котами, собакой, большим садом и большим количеством работы. Дети родились в этой идиллии и росли на природе с животными. Мы с мужем оба работали. Я по полдня, пока дети были маленькими. Очень милая няня заботилась о девочках в первой половине дня. С лошадьми, занятостью матери, будучи «зелеными» и в других сферах тоже с немного более либеральными взглядами мы довольно отличались от других, очень консервативных жителей деревни. Когда девочкам

было по семь и одиннадцать лет, мы с мужем настолько отдалились друг от друга, что расставание было для меня неизбежным. Через год мы развелись. Так как дети при разводе страдают больше всех, наш развод был для девочек тяжелым и шокирующим. Чтобы не преувеличивать эту боль, мы не продали наш дом на природе. Отец моих детей съехал. Я осталась с обеими дочерьми в их любимом доме. Количество лошадей несколько уменьшилось, но дети могли сохранить своих собственных пони, собаку и котов. Мои дочери сохранили контакт с отцом, они ездили к нему каждые выходные. После двух тяжелых лет наша семейная ситуация нормализовалась. Девочки росли дальше в привычной для них среде, где было много природы и мало телевидения. В гимназии они сталкивались с частично консервативными, иногда узколобыми взглядами одноклассников и их родителей. Я старалась привить им толерантность и широкие взгляды, и быть настолько, насколько это было возможно, рядом. Мои родители, то есть бабушка и дедушка моих дочерей, всегда принимали мой выбор партнера и выбор моих братьев и сестер так же, как и наши расставания с ними. Моя сестра уже много лет живет с женщиной. У моего брата долгое время не было партнерки, потом много лет была одна девушка, потом в 50 лет он женился и через некоторое время снова развелся. Все это принималось моими родителями со словами «Вы взрослые и сами знаете, что делаете». Они всегда были на

стороне своих детей и поддерживали нас в том, что мы делали. Будут ли у них внуки, было для них не самым существенным, хотя они, конечно, радовались моим обеим дочерям, когда те родились. Уже с детства я понимала, что у людей бывают разные сексуальные предпочтения и склонности. Не смотря на то, что я «в принципе» гетеросексуальна, я уже влюблялась в женщину. Тот факт, что их тетя лесбиянка, никогда особо не выделялся и не подчеркивался нами для наших детей. Это было и является нормальным, как и другие способы жизни, которые люди себе выбирают. Я радуюсь, когда моя старшая дочь спрашивает меня иногда совета в «любовных» делах, и я принимаю ее решения. Моя младшая дочь более закрыта в этом плане: она почти не говорит со мной о личной жизни. Ее тоже влечет к женщинам. Решится ли она в будущем на отношения с женщиной или с мужчиной, это только ее дело. Я полностью доверяю моим дочерям, знаю, что они пойдут каждая своим путем, и приму то, как они устроят свои жизни. Общественные нормы и клише меня лично не интересуют, хотя, конечно, я понимаю, что многие люди мыслят гораздо уже.

>> ТОГДА МНЕ НУЖНО БЫЛО ПРОСТО БЫТЬ СМЕЛЫМ.

*Д.С., 60 лет, живет в
Мекленбург-Передней Померании*

Д.С., 60 лет, дедушка, живет в Мекленбург-Передней Померании, работает в сфере образования и пишет в своем письме о каминг-аутах своих обеих дочерей и своей жены.

Я живу в Мекленбург-Передней Померании; я гетеросексуален и у меня нет постоянной партнерки. Я отец троих детей (двух молодых женщин и одного молодого мужчины) и счастливый дедушка. По мере возможностей я работаю по профессии: в сфере образования (с подростками и взрослыми). Я родился в 1951 году в маленьком городе в Передней Померании, вырос в гуманистически настроенной семье, правда вопросы сексуальности у нас замалчивались. Мое личное отношение к геям и лесбиянкам было скорее отрицательным. Я вырос в такое время, когда эти вопросы либо замалчивались, либо обсуждались резко отрицательно. Единственно «нормальными» я считал отношения между мужчиной и женщиной. Отношения между лесбиянками или геями были для меня неестественными. Против природы, так сказать. Сначала я относился к этому резко отрицательно, и лишь намного позже, после

длинного мыслительного процесса, я начал относиться к этому с уважением. Сейчас я защищаю людей с такой ориентацией, хотя я и гетеросексуален. Я пытаюсь просвещать и убеждать других. Особенно в том, что такая жизнь — нормальна. Мне близка политика левых. Но и в моем политическом кругу общения нужно многое сделать касательно этой темы, а именно просвещать и убеждать. Открытость общества к этой теме, конечно, увеличилась. Не смотря на это, мне кажется, что существует нетолерантное большинство. Но с теми, у кого есть здравый смысл и кто по сути гуманистически настроен, имеет смысл говорить. В конце 80-ых и начале 90-ых я напрямую столкнулся с этой темой. Моя старшая дочь сделала каминг-аут. Сначала это было очень странным и даже шокирующим. Мы много разговаривали с моей тогдашней женой и моей дочерью, и это помогло мне справиться с предрассудками, страхами и неприятием геев и лесбиянок и в конце концов прийти к принятию, которое основано на внутреннем убеждении. Сначала это было только принятие самого факта. В конце концов, я люблю свою дочь и я считал, что мне ничего не оставалось, кроме как уважать ее выбор. Но чтобы справиться с этим ментально, мне нужно было основательно обдумать этот вопрос сначала для самого себя,

чтобы прийти к достаточно-му пониманию. Следовательно, этим были довольны и мои дочери и моя тогдашняя жена. Время, которое мне было нужно для этого, было наполнено эмоциональными перепадами. Это был нелегкий период, который оказался в результате огромным шагом вперед. Потом последовал каминг-аут моей жены как лесбиянки, развод и «откровение» моей младшей дочери. Переварить все это было нелегко, но — я считаю — мне это удалось. Мне помогли в этом мои дочери и моя бывшая жена. У нас было много коротких и длинных разговоров и перерывов на мысли, которые помогали все проработать. Это был долгий процесс, у которого были две фазы. Сначала я понял это рационально, лишь потом эмоционально. Я хочу сказать: стопроцентное убеждение появилось только в конце этого мыслительного процесса. Сейчас все довольны своим образом жизни и своими отношениями. Отношения с моими дочками не ухудшились от этого, а только наоборот. Я стараюсь быть убедительным в разговорах с другими людьми на эту тему. И чем больше занимаешься этой темой, опираясь на собственный опыт и примеры из круга друзей или родственников, тем лучше это удастся. Не с каждым, но все-таки. Иногда начало можно положить тем, что у собеседника появится капелька

толерантности. Я защищаю перед другими этот образ жизни других людей, в особенности моих дочерей. Сначала я был не уверен, был страх быть резко не понятым и задвинутым в какой-то угол. Но тогда мне просто нужно было быть смелым. Сегодня у меня нет с этим проблем. У меня такой опыт, что это совсем не сложно, вступить с человеком в разговор и потребовать хотя бы толерантности. Достичь приятия — это сложнее, особенно без собственного опыта в этом вопросе, и когда собеседник относится к этому с неприятием. Другим родителям я могу посоветовать только прийти к рациональной и эмоциональной ясности и смелости, чтобы говорить с другими. Тогда точно удастся их убедить.

>> КРОМЕ ТОГО ОН УЖЕ ВЫБРАЛ СЕБЕ ИМЯ: «ЛИЗА»!

Прежде, чем мы начнем говорить о Лизе, мы бы хотели коротко рассказать о нашей семье. Мы — родители Лизы — работаем на полную ставку и являемся гордыми родителями двух сыновей. По крайней мере, до недавнего времени мы были уверены в том, что у нас два сына

За долгие годы наблюдения за поведением нашего младшего к нам в душу закрадывались смутные сомнения о том, что он «нормально» развивается. В раннем детстве наш младший сын приносил нам исключительно радость. Он был милым, любознательным, открытым и неназойливым ребенком, который легко шел на контакт. Он не был похож на своего брата, ни в играх, ни в выборе интересов. Он не дрался, не играл в футбол и больше драк Черепашек-ниндзя ему нравились истории про русалочку Ариэль. Поэтому нас не удивляло, что наш ребенок переодевается в принцессу для игры в «приключения». У него были верные подруги и друзья, которые играли с ним на протяжении долгих лет. В начальной школе количество друзей сократилось, но подруги остались. Умный парнишка, думал папа. Однако мама более тонко чувствовала душевное состояние сына. Без всякой задней мысли наш сын рассказывал о том, что в игре в дочки-матери он чаще всего принимал роль мамы и прекрасно чувствовал

себя в этой роли. Мы принимали это за талант перевоплощения и были спокойны, что его принимают таким, какой он есть. В школьном драмкружке он претендовал исключительно на женские роли, которые почти всегда и получал. В это время он еще хорошо учился и успевал в школе.

После того как наш сын перешел в новую школу, его успеваемость ухудшилась. Мы склонялись к тому, чтобы списывать эти изменения на смену школы. Наш сын вновь стал участвовать в театральном кружке и в дополнение к этому начал заниматься танцами в направлении шоу-дэнс. В свободное время он танцевал с несколькими девочками, подражая танцевальным номерам одной известной группы. Однако, успеваемость в школе лучше не стала, и мы все меньше понимали все эти танцульки и выступления в роли девочки. Мы стали требовать от него, чтобы он больше уделял времени школе и меньше танцам и драмкружку.

Какое-то время все было по-нашему, пока нам обходными путями не сообщили, что наш ребенок тайно посе-

щает танцевальную группу и драмкружок и там выступает только в женских ролях. К нам в душу закралось странное чувство: «Неужели наш сын гей?!?! Или это поведение прекратится после экспериментальной фазы переходного возраста?» Нам и в голову не могло прийти, что что-то другое могло послужить причиной. Мы утешали себя тем, что наш сын перерастет это и станет мудрым мужчиной. Только позже мы узнали, как терзал себя наш ребенок и какие унижения терпел уже в то время. Замаскированные нападки и оскорбления в школе или, к примеру, тот факт, что ему приходилось переодеваться вместе с мальчиками перед уроком физкультуры, были огромной психологической нагрузкой для нашего младшего сына. До нас, родителей, долетали только отрывки всех этих переживаний и бедствий. Мы стали привыкать к тому, что наш сын будет встречаться не девушкой, а с парнем. Держа это в уме, мы все же хотели стать надежной опорой в жизни нашего сына и искали людей или группы с такими же проблемами, как и у нас.

Мы нашли группу взаимопомощи родителей гомосексуальных детей. Сама возможность рассказать там о нашей ситуации и осознание того, что наш сын не является ни больным, ни извращенцем, в каком-то смысле разрядили ситуацию в семье. Руководительница группы предложила нам личную беседу, и нам удалось убедить нашего

ребенка в целесообразности этого разговора. Из разговора мы узнали, что наш сын интересуется мальчиками, но не как мальчик, а как девочка. Кроме того, он уже выбрал себе имя: «Лиза»!! Что это заявление будет означать впоследствии для нас и нашей «Лизы», пока сложно сказать точно.

Однако нашей «Лизе» этот разговор принес колоссальное облегчение. С этого момента наш ребенок стал вновь более стабилен. Мы снова смогли открыто говорить с ним и принимать участие в жизни нашего ребенка. С помощью группы родителей мы узнали про транссексуальность и проблематику смены пола. Пропорционально с ростом чувства собственного достоинства меняется и внешность нашей «Лизы». Вероятно, то, что мы принимаем и поддерживаем её, придает ей уверенности в себе на пути ее изменений.

За время процесса смены пола Лиза закончила на отлично учебу на специализированную по гостиничному бизнесу. Но несмотря на это, было много сложностей. Вопреки смене имени в паспорте, диплом ей хотели выдать на старое имя, но мы с успехом настояли на правилах в законе против дискриминации. Теперь она усиленно и уверенно в себе ищет работу. Транс* людям приходится очень сложно на рынке труда, но мы надеемся, что, несмотря на все преграды, её ждет успех.

>> У МЕНЯ ДВОЕ ПРЕКРАСНЫХ ДЕТЕЙ

До падения стены
я также могла внеш-
татно работать в одном
берлинском издательстве.

Мать (58 лет, проживает в Берлине) рассказывает о своих гомосексуальных детях.

У моих детей Кати и Энса много общего. Уже в детстве что одна, что второй отличались способностью к языкам. Они были творческими детьми с живым умом и безграничной фантазией. Они играли в равной степени и с куклами, и с машинками, и с конструктами и в магазин... И обожали книги, книги. Уже потом они пробовали писать и сами, учились играть на музыкальных инструментах и играли в театре. В кругу их общения были и мальчики и девочки. И еще — и он и она гомосексуальны. Пришли они к этому разными путями. Такими же разными как и обстоятельства, в которых они выросли.

Я после школы какое-то время училась в медицинском университете. Так как у меня не было возможности продолжить обучение, я выучилась на воспитательницу и много лет проработала в специальном учреждении для детей с тяжелой инвалидностью.

Так как мои дети в 1991 году уже ходили в школу, я вновь поступила в университет и выучилась на лечебного педагога. После я проработала десять лет педагогом в детской консультации.

Уже во время учебы в университете я увлекалась зоо-терапией и, благодаря моим чутким коллегам и смелой руководительнице, я смогла применить этот подход на практике.

На профессиональное обучение и тренировки с собакой уходила большая часть моего свободного времени. Я уже не могла уделять столько времени моим хобби (чтению и сочинению), как раньше. По состоянию здоровья я была вынуждена оставить работу, но я все еще работаю с собакой на добровольной основе в доме престарелых и в приюте.

Моя дочь родилась в 1975 году в тогдашнем восточном Берлине и была нежной белокурой девочкой. На её детстве оставили свой отпечаток мои два развода и связанные с ними переезды, а также рождение её брата. Она была милым ребенком, легко находила общий язык с людьми и многим

интересовалась. Со свойственной ей спонтанностью она пробовала все новое. Ей не терпелось осуществить каждую новую идею. Она обладала ярко выраженным чувством справедливости, но ей (еще) не хватало искусства дипломатии, так что конфликты были порой неизбежны.

Падение стены в 1989 году застало мою дочь посреди переходного возраста. В это и без того сложное время рухнуло разом все, что могло бы обеспечить защищенность и стабильность.

С другой стороны, появились новые возможности. Она могла закончить школу, путешествовать, познавать мир. Я прибывала тогда в постоянной тревоге, но не хотела на неё давить. Это было как хождение по острию ножа между отвоеванием и сохранением границ.

Первые ее отношения с мальчиком были незначительными и продлились недолго. В первый раз я насторожилась, когда она ради близкой подруги повторила 11 класс не обговорив это со мной. И все же я бы никогда не додумалась до того, что это были её первые лесбийские отношения. После школы и переезда в собственную квартиру изменился и её круг общения. Среди новых знакомых были двое геев, с которыми она проводила большую часть своего свободного времени. Меж тем и мой сын присоединился к ним. Они ходили на гей-парад или на дискотеку для геев и лесбиянок. Я считала себя толерантной и мне нра-

вились все друзья моих детей. И я все еще ни о чем не догадывалась.

У моей дочери не было ТОГО САМОГО каминг-аута. Логическим завершением всего процесса было мое знакомство с её девушкой. Это было в её манере. Она с самого начала довольно прямо обходилась с этой темой, и поэтому официальных заявлений было мало. Однако, я заметила непонимание и какой-то немой упрек в мой адрес со стороны моих родителей. О том, что мы еще вернемся к этой теме, тогда еще никто не догадывался.

Как и моя дочь, мой сын Энс был абсолютно желанным ребенком. В отличие от его сестры с ним все было осмысленно и продуманно. Ему были чужды спонтанность и чересчур эмоциональные реакции. Он плохо справлялся с резкими изменениями и ему требовалось много времени для того, чтобы влиться в новую ситуацию. В четыре года он научился считать, а в четыре с половиной года он уже читал вслух истории друзьям в детском саду. Конфликты он всегда решал на словах, дружил и с мальчиками и с девочками, а после школы с удовольствием проводил время наедине с собой. Несмотря на его эрудированность, он был часто робким и застенчивым и недооценивал себя. Каково же было мое удивление, когда он без промедления принял мое предложение закончить 11 класс в Англии. Почти год спустя домой вернулся уверенный в себе молодой человек, который также излучал силу и благоразумие. Он принимал

● ● ● свои слабые и сильные стороны, сам брал ситуацию под контроль, основал музыкальную группу, которая играла металл. Он также ходил на дискотеки и разделял все больше интересов со своей сестрой. В кругу его друзей и подруг были две девочки, которые мне обе очень нравились. Я с нетерпением ожидала какую он все же выберет. Я ждала...

Когда ему было 18 лет, мне было нужно пройти длительное лечение в санатории. Он легко сам справлялся с хозяйством, и мы периодически созванивались. Был конец сентября 2001 года. Дочь рассказала мне, что хочет пойти на дискотеку для геев и лесбиянок и возьмёт с собой брата. Я не видела в этом никакой проблемы. Я только попросила её немного приглядывать за тем, что бы Энсу какой-нибудь гей не вселил пустых надежд. Нет, нет, он ведь идет только из-за музыки. А зачем еще? В понедельник я позвонила: «Как прошли выходные с Катей? Понравилось на дискотеке?» — «Да, все было прекрасно». «Я не против, что ты туда ходишь если тебе так нравится музыка. Но все же будь осторожней. Ну знаешь что я имею ввиду?» — «Ммм, да мама, я туда хожу не только из-за музыки...» Пауза... Пауза... Пауза... «Мама?» — «Да, Энс, через несколько дней я вернусь домой. Давай тогда все спокойно обсудим». Конец.

Я сразу же поняла, что он хотел мне сказать и не могла поверить. Я только помню, что ушла к себе в номер и плакала там часами. Сегодня мне даже почти стыдно за это. В отличие от дочери признание сына было для меня абсолютным сюрпризом. Я безумно боялась за то, что на него могут напасть, что могут отвергнуть, что отвернутся друзья, что будут проблемы на работе, что в его жизни уже не будет той прежней непринужденности. Конечно же, были и тоска и грусть. Как только я вернулась домой, мы сразу же встретились втроем. Я все еще с улыбкой вспоминаю с какой дальновидностью сестра подготовила каминг-аут брата. Они с самого начала задумали рассказать мне обо всем когда я буду на курорте. Если я бы не справилась с этим, в конце концов под рукой был бы психолог, который в крайнем случае смог бы мне оказать психологическую поддержку. Как заботливо и внимательно!

К моему удивлению для Энса стало большой проблемой рассказать обо всем отцу. Он попросил меня поддержать его, и я была поражена реакцией отца. Он молча обнял сына и вначале даже не хотел это обсуждать, а поехал домой. На следующий день, когда наш сын был в школе, мы встретились еще раз. Он плакал, вид у него был удрученный и беспомощный. Он был в глубоком потрясении. Мы долго говорили, позже и с детьми тоже.

Ничего не изменилось в том, что мы любим и заботимся о нашем сыне, и мои сомнения не подтвердились. Его друзья и подруги тоже сказали, что уже давно обо всем догадывались. В университете и на работе это никогда не играло никакой роли. У меня до сих пор немало проблем с остальными родственниками. Если в случае с дочерью это не было сказано напрямую, то в ситуации с сыном претензии были высказаны прямо. Если и один и вторая, то дело точно в неправильном воспитании. Матери-одиночки не могут подать хороший пример на своем личном опыте. Это все время звучит как будто: «Он бы мог стать таким хорошим мужем или отцом».

Из-за того, что мой сын — гей, а дочь — лесбиянка, я узнала много нового. Я стала более открытой для разных отношений, а в моем кругу общения я почувствовала только одобрение. Конечно, в моей голове возникает вопрос «почему». Сегодня я думаю, что тем, что ты ищешь причину гомосексуальности, ты уже дискриминируешь. И в конце концов, мы немногим отличаемся от других семей. Возможно, в течение нескольких лет и у меня появится невестка или зять. Как и любая мать я хочу, чтобы они были в счастливых и прочных отношениях. Да, у меня двое прекрасных детей...

>> Мой сын Йона: НА ПУТИ К СЕБЕ

Симоне Блюм

Р а с с к а з
С и м о -
н е Блюм (59
лет, живет в
Берне, Швей-
цария) о её
семье и от-
дельно о её
сыне, кото-
рому 27 лет
(живет в Бер-
лине).

спустя после каминг-аута Йоны, я не замечаю проявлений в его жизни, которые бы указывали на это изменение пола и идентичности. Подпись «Йона» появилась как гром среди ясного неба, сопровождаемая уверенностью в том, что это не шалость или оплошность. В нашей семье четыре человека. Анна — сестра Йоны, Йона, я — мать Симоне и отчим Петер. Все мы живем в разных городах и странах. Йона живет уже семь лет в Берлине. Анна на протяжении десяти лет за границей — на данный момент в Лондоне. Петер в Тессине в Швейцарии, а я в Берне. Все мы «всегда» были сильными личностями. Каждый и каждая из нас как само собой разумеющееся накладывал свой отпечаток на семейную жизнь собственной индивидуальностью. На Рождество 2008 года Йона приезжает домой и в первый раз «предстает» нами в образе мужчины. Сестра Анна крайне рассержена и вне себя. Не из-за смены пола сестры, которая стала братом, а в первую очередь из-за того, что она не участвовала во всем этом процессе. Петер не поверил и не хотел в это верить. Совместный разговор и обмен при встрече вселили уверенность. Для своего каминг-аута в семье Йона выбрал Рождество. Он приехал в панике, ожидая встречи, и невыразимым страхом нас всех потерять. По традиции празднования Рождества мы собираемся вместе и отмечаем, что мы есть друг у друга и любим друг друга. В этот раз ожидания ко мне, как к главной ответственной за мир и счастье в нашей семье, дошли до преде-

Каминг-аут в нашей семье произошел летом 2008 года: е-мейлы и письма вдруг были подписаны именем Йона, а не как на протяжении предыдущих двадцати лет именем Сару.

Меня это изрядно напугало, несмотря на то, что я уже ко многому привыкла от своей 24-летней эмансипированной дочери, критично относящейся к себе, обществу и политике.

Я привыкла к её прямолинейности, откровенности и бескомпромиссности, в случае принятого решения, с которым она идет по жизни. Меня не особо успокоил тот факт, что в интернете имя Йона, хоть и редко, но все же упоминалось как женское. Почти за год до этого она была свидетельницей на свадьбе её сестры. Умная, привлекательная женщина, которая энергично и метко использует свой женский потенциал и нарушает границы условностей, но во внешности и в поведении преподносит себя как абсолютно типичная женщина. И сегодня, три года

ла. Йона приехал на три дня раньше: отощавший, бледный, вне себя и, как мне показалось, в эмоциональном плане он находился между жизнью и смертью. Все мы — Петер, Анна и я — старались повременить с нашими разочарованиями, реакциями, вопросами и яростью. Речь шла о его выживании. Требования друг к другу должны были подождать. Я хорошо помню те старание, нежность и бережность, направленные на то, чтобы Йона ослабился и набрался сил. Становление Йоны по-новому заставило каждого и каждую из нас осознать что «мы» представляем из себя как семья.

После Рождества:

Только после праздников я начала пытаться все понять и принять. Моя внутренняя борьба чередовалась с угасающей надеждой на то, что все вернется на круги своя. Три года спустя я до сих никому ничего не рассказала на работе. Мне все еще сложно объяснять соседкам и соседям изменения во внешности моего ребенка «между (мужчиной и женщиной)». В основном простые и чуткие реакции со стороны его подруг на каминг-аут вселяют в меня надежду на то, что вскоре никакого каминг-аута уже не будет, а Йона будет моим сыном, то есть моим «между» так же просто как и моя дочь Анна.

Каминг-аут в кругу дальних родственников

Похороны двоюродной бабушки Йоны осенью 2010 дали ему возможность предстать перед родными в своей новой идентичности. Всем, кто помнили

его еще как Сару, я представляла Йону как бы между делом. Уже хотя бы из уважения к такому важному событию, как похороны, не должно было быть негативных или неуважительных реакций. Сплетни старшего поколения даже забавляли. Меня очень тронуло, что Йона совершенно нормально интегрировался в группу своих двоюродных братьев. Выбрав свой путь, Йона открыл для меня мир, о котором я ничего не знала до тех пор. Я осознала, что значит находиться в плену гендерных ролей. Поняла, что такое стигматизация и что она сохраняется в структурах и власти общества и что такое тоска и несвобода, а также ограничение человеческого потенциала как следствие этого.

В тематических кругах я чувствую себя как дома. Меня принимают как мать, с моей сединой, как просто человека. Я глубоко уважаю смелость, силу и честность Йоны, с которой он подает себя, не оставляя обществу никакой возможности не видеть его. Наша семья стала сильнее, мы стали больше любить и поддерживать друг друга, и мы знаем, что каждый и каждая из нас на многое способны. Мы безмерно обогатились. Научились бережно слушать друг друга, бороться за то, чтобы принимать друг друга, давать возможность быть самими собой и не держать зла. Мы научились говорить «ДА» всему иному как само собой разумеющемуся и отдавать себе отчет в том, что несем за это ответственность.

Я НЕ ДАЮ ГОМОФОБНЫМ ВЫСКАЗЫВАНИЯМ НИКАКОГО ШАНСА.

Меня зовут Доротеа. Я 1953 года рождения, медсестра и живу в маленьком городе на озере Бодензее. Там же родился мой сын Кевин в 1988 году, мой второй ребёнок, большую часть времени я воспитывала его одна.

Отец Кевина был чернокожим гражданином Ст. Люции, острова в Карибском море. Это важно отметить, так как и после камингаута Кевин сталкивается не только гомофобией но и с расизмом. Поэтому понимание и разбирательство с его гомосексуальностью неразрывно связаны с его тёмной кожей. Таким образом есть люди и места, где нет никаких проблем с тем что Кевин - гей, но где он подвергается расовой дискриминации. Или наоборот.

Несмотря на это детство и юность Кевина протекали довольно хорошо. У него была и остаётся тесная связь с его старшей сестрой Татьяной. У Кевина всегда было много друзей, в первую очередь подруг, он был хорошо интегрирован в общество и очень хорошо в школе. Мой стиль воспитания был скорее антиавторитарным, на первом плане были: поощрение самоопределения, избегание сексистских моделей поведения, равноправие между родителями и детьми, больше поощрений нежели наказаний, самооценка не должна зависеть от успеха, но при этом нельзя терять жизненные цели из виду. Эти намерения не должны создать иллюзию, что я никогда не делала ошибок в повседневной жизни и особенно в сложных жизненных ситуациях.

До того, как Кевину исполнилось 11 лет, у нас была хорошая жизнь. Но всё же, во время его пубертатного периода мы начали ссориться по разным причинам. В это же время наше личное общение сократилось. Что касалось интимной жизни, то Кевин был очень открытым человеком с солнечным характером, и я всегда считала, что у него время от времени были связи с девочками. И всё-таки были мелкие ситуации, когда я предполагала, что он мог бы быть геем. Но я всегда забывала об этих намёках и всё принимало свой естественный ход. Школьная учёба Кевина подходила к абитури (11-13 классы немецкой школы), но у него всё равно была возможность наслаждаться свободным временем и наши взаимоотношения тоже улучшились.

Я только позже узнала, что Кевин достаточно долгое время скрывал свою сексуальную ориентацию и это было для него тяжёлой ношей.

Одним ничем не выдающимся субботним утром мы сидели втроём и завтракали. Мы говорили о многих вещах, на личные темы, о Боге, о мире. В какой-то момент Кевин взял слово и произнёс: „Я должен вам кое-что сказать. Я гей.“ Моя дочь Татьяна и я были очень удивлены, но наша реакция была позитивной... я так думала. Я точно помню, что я очень старалась следить за своими словами, что бы ни в коем случае не возбудить в Кевине подозрения в нетолерантности. Мы спросили его, есть ли у него друг и почему он решился именно сейчас рассказать всё нам? Я пошутила о том, что мои шансы получить внуков серьёзно снизились (шутка, которая, как я потом поняла, даже при всех хороших намерениях, показывает скорее невежество, чем открытость). Но пока мы разговаривали на эту тему, настроение за столом оставалось хорошим и всё осталось по большей части „нормальным“.

Но в последствии я заметила, что стала чувствовать себя неуверенно и беспокоиться за Кевина. Больше всего меня пугала мысль, что в Берлине, куда он переехал после окончания школы, местная „гей-жизнь“ его поглотит, что он будет спать не с теми людьми или будет заниматься сексом без предохранения. Но при общении с моим сыном я заметила, что эти представления слишком стереотипны. Кевин

всё время очень нервно реагировал. Как только я поняла, что мои страхи не имеют ничего общего с жизненной реальностью моего сына, я осознала насколько сустаревшие формы мышления влияли на меня.

В какой-то момент я услышала выражение „гетеронормативное общество“. Кевин объяснил мне, что имеется в виду структура, в которой гетеросексуальные отношения являются нормой, а все остальные называются „ненормальными“. Только в этот момент я поняла, что попала с этой темой на новую неизведанную территорию. Это отражает и реакцию моего окружения, когда я разговаривала с ними о гомосексуальности моего сына. Она была очень разной: отрицание, сожаление, неприятие, но в большинстве своём реакция была дальновидной и толерантной. Моё собственное поведение при этих встречах было скорее осторожным, но внутри меня кипели страсти. Часто мне самой было стыдно за себя, когда я начинала понимать, как я ещё несколько лет назад думала о гомо-, би- транс* и интер* людях. Это повлияло на многое.

Моя вера всегда много значила для меня. Но я столкнулась с христианскими воззрениями, которые меня разозлили. Многие верующие люди называли себя толерантными, но я заметила, как поверхностна бывает их толерантность. Например, когда заходит речь о том, что Бог прощает гомосексуальных людей. По мне это не настоящая толерантность, а гомофобное

утверждение, так как имеется в виду, что гомосексуальность является чем-то плохим, раз за неё нужно прощать. Мне пришлось потратить много времени и усилий, что бы вновь вернуться к моей вере и понять, что для меня христианство это не то, что некоторые люди и учреждения из него делают. Гомофобия не имеет ничего общего с любовью и верой.

Кевин же жил своей жизнью в Берлине. Кроме политологии он так же изучал и ночную жизнь Берлина. Я была очень рада, что в Швуц (SchwulZ) он нашёл то место, где он регулярно мог встречаться с другими людьми, и получил возможность найти себе друзей среди ЛГБТ. Я знаю, что такое окружение давало и даёт ему возможность развивать как свою личность так и гражданско-политическую позицию. Сегодня он противостоит гомофобии, трансфобии и расизму как по работе так на волонтерских началах.

Что касается меня, то я могу констатировать большие изменения относительно устаревших убеждений. В дискуссиях с другими людьми я теперь чётко проявляю свою позицию, не даю гомофобным высказываниям никакого шанса и стараюсь информировать и sensibilizировать других. Уже год я активно работаю в Международной Амнистии (Amnesty International). Эта правозащитная организация выступает в том числе за права ЛГБТИ*. Во многих обществах людей дискриминируют, криминализируют, стигматизируют и преследуют

из-за их сексуальной ориентации и половой идентичности. И в Германии и Европе также повсеместно случается правовая и повседневная дискриминация. Я замечаю это особенно часто в моём южногерманском городке. Одной причиной больше, что бы поднимать перед людьми эту тему!

Критический разбор общественной дискриминации стал важной частью моей жизни. В первую очередь из-за понимания моего сына и его критики в мою сторону. Я рада, что не поддавалась моим страхам и я очень горда развитием моего сына и той работой, которую он делает.

ОН ПОКАЗЫВАЕТ НАМ, НАСКОЛЬКО ВАЖНО ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ

Наталья Кильбер,
Вупперталь

Наталья Кильбер (59) и её муж переехали в 1997 году вместе с детьми из Казахстана в Германию. Здесь она рассказывает о камингауте её сына, который сейчас является активистом „Квартиры“. „Квартира“ - это организация русскоязычных ЛГБТ и их друзей в Германии (www.quarteera.de).

Когда мы приехали в Германию, моему сыну Ване было 16 лет. В первые годы он ходил в интернат. В это время я очень беспокоилась за обоих моих детей, так как мы только переехали сюда из другой страны. Всё было новым и мои дети должны были сразу пойти в школу, поэтому им пришлось уехать из дома.

Через год, когда ему было 17 лет, мой сын совершил камингаут перед нами. Это было 1-ого января 1999 года, мой муж очень хорошо запомнил эту дату. Мы посещали родственников и Ваня присоединился к нам несколько позже. Он просто зашёл в комнату, сказал: - „Я-гей.“ и упал в обморок. Я уже не так хорошо это помню, но я знаю, что первое что я почувствовала, был страх, что моему ребёнку не хорошо.

Его бабушка и дедушка, его тётя и кузина тоже были там. До сегодняшнего дня я не знаю, поняли ли они, что сказал Ваня, так как после этого разговор на эту тему больше не поднимался. Всё было проигнорировано и замолчено.

В начале мы с ним тоже не часто говорили об этом. Я думала, если это так, значит пусть будет так, но мы не должны об этом говорить с родственниками и знакомыми. Мы просто можем жить дальше. У меня не было представления, что это всё означает, скорее я просто боялась за него. Тогда я ещё не знала, как в Германии относятся к теме гомосексуальности. Я только была рада, что мы уже не в Казахстане, где эта тема для многих чужда и можно было бы ожидать скорее негативной реакции.

Както Ваня пришёл домой с девушкой. Мы подумали, что гомосексуальность была всё же просто фазой, и приняли это с облегчением. Но эти отношения перешли в какой-то момент в обычную дружбу, как только Ваня осознал, что это не было фазой и он всегда будет геем. Сегодня я думаю, что Ваня сам боролся со своей гомосексуальностью. Всё-таки он сам вырос в консервативной стране, никогда об этом не слышал и даже здесь в Германии не мог об этом поговорить.

Когда он в первые пришёл домой со своим другом, было не легко. Мой муж и дочь тоже были там. Я была очень взволнована, но мой муж просто сухо сказал „Привет“ и пошёл в гостиную, пока мы сидели в другой комнате и ели. Только под конец я пошла в гостиную и сказала мужу, что он должен выйти и попрощаться. Для меня это было как бы решением, так с этих пор должно быть. Мои муж и дочь плакали после этого, а я только сказала: - „Это был последний раз, когда вы из-за этого плакали и с этого момента вы будете с радостью встречать его друзей, иначе вы нас потеряете, меня и Ваню.“

Я думаю, это всё было частью процесса обучения, который мы должны были пройти, что бы понять как же обходится с его гомосексуальностью. Я думала сначала, что это всё из-за страха за Ваню. Со временем я заметила, что это из-за страха, что другие могут подумать, что мы что-то сделали неправильно или не так воспитали его. Я очень хотела обоих моих детей, люблю их и горжусь моим сыном.

Ваня очень помог нам во время всего процесса. Он всегда приносил какую-нибудь статью из интернета или газеты или брошюры и показывал нам, как важно об этом говорить.

На сегодняшний день гомосексуальность моего сына больше не является особой темой в нашей семье. Всё есть как оно есть. И это абсолютно нормально. Я познакомилась со многими друзьями Вани и все из них хотели бы поговорить со своими родителями и быть ими услышанными. Я думаю, это самое важное, что родители должны исполнить: Они должны быть первыми, кто поддерживает своих детей.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Многие консультации и самоорганизованные группы основаны ЛГБТ* людьми и для ЛГБТ* людей. Но предложения многих организаций направлены именно на родителей и близких. Во время работы над этой брошюрой мы заметили, что ЛГБТ*-организации, даже если у них нет специальных предложений для родителей, зачастую являются первым местом, где вас выслушают и предоставят информацию о контактах в вашем регионе. Так что смелей. Идите к другим людям и в организации, если вам интересен обмен. Одним из важных помощников является Федеральное объединение родителей, друзей и близких гомосексуальных

людей (BEFAN), в котором организованы большинство групп поддержки для близких и родителей. Многие организации, которые существуют уже давно, изначально не занимались темой трансгендерности и не обозначают эту тему в своих названиях, но все же посмотрите внимательнее на их сайты или переспросите. Все больше организаций открываются и работают с этой тематикой. Далее вы найдете контакты организаций и объединений, которые действуют во многих регионах Германии, возможно, и рядом с вами. Помимо этого мы перечислили несколько локальных консультаций в Берлине. Мы рекомендуем узнать заранее, говорят ли там по-русски.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

Перевод:
«Союз родителей, друзей и родственников гомосексуалистов»
BEFAN

В федеральном объединении организовано множество локальных родительских групп. Контактные данные контактных лиц BEFAN в различных городах Германии вы можете найти на сайте: www.befah.de/index.php/ueberuns Кроме того, BEFAN предлагает первичные консультации по телефону и может прислать информационные брошюры почтой. Каждые два года проводятся федеральные встречи для родителей и родительские семинары.

BEFAN
Hotline: 05 11 - 3 94 69 28
Friedrich Himstedt
www.befah.de

Homosexuelle und Kirche e.V.
Организация гомосексуальных людей в церкви

Мы хотим, чтобы ЛГБТ* и квир люди могли полноценно участвовать в церковной и общественной жизни. Мы работаем

- против предрассудков и дискриминации ЛГБТ* в церквях
- за полное профессиональное равноправие с гетеросексуальными людьми

Мы предлагаем консультации, встречи в рабочих и региональных группах и работаем по всей Германии.

Ökumenische Arbeitsgruppe
Homosexuelle und Kirche (HUK) e.V.
Geschäftsstelle
Vordere Cramergasse 11
90478 Nürnberg

Telefon: 0911-8019 7728
buero@huk.org
www.huk.org

pro familia

pro familia предлагает консультации по всем аспектам сексуальности, психо-сексуального развития, педагогики сексуальности. Если в вашем регионе нет специализированных консультаций для ЛГБТ* людей и их родителей, федеральные консультации Pro Familia могут быть первыми, к кому вы можете обратиться на месте, так как Pro Familia как профессиональное объединение открыта всем сексуальным ориентациям и гендерным идентичностям. Конечно, широта опыта и знаний об ЛГБТ* людях будут у разных организаций разными.

pro familia
за самоопределение сексуальности.

www.profamilia.de

Quarteera e.V. Квартура

Quarteera работает во всей Германии и предлагает информацию и консультации для русскоязычных ЛГБТ: консультации для родителей ЛГБТ, а так же образовательную работу с детьми, подростками и взрослыми на русском языке. Quarteera организует группы самоподдержки и досуга. Еще один фокус нашей работы — разработка инфоматериалов о ЛГБТ на русском языке, а так же кооперация с ЛГБТ-организациями в русскоязычных странах.

Quarteera e. V.
Postfach 58 05 36
10414 Berlin

info@quarteera.de
www.quarteera.de

queerhandicap e.V.

Организация queerhandicap e.V. была основана лесбиянками, геями, бисексуал_ками и трансгендерными людьми с хроническими заболеваниями и инвалидностью.

Фокусы нашей работы:

- Консультация ЛГБТ* с инвалидностью
- Информирование и просвещение общественности
- Поддержка при создании и сохранении групп самоподдержки и самоорганизованных встреч
- Координация и поддержка дружественных проектов и инициатив
- Инициация федеральной встречи queerhandicap.

info@queerhandicap.de
www.queerhandicap.de

КОНСУЛЬТАЦИИ В БЕРЛИНЕ:

GLADT e.V.

В нашей работе мы выступаем за расширение прав и возможностей, видимость и самоопределение пространства от и для квир-темнокожих и -цветных людей. Все наши предложения и мероприятия разработаны и организованы под девизом „вместе друг для друга“.

Предлагаемые консультации: персональная помощь и поддержка по вопросам антинасилия, антидискриминации, беженства, миграции, каминг-аута, семьи, религии, здоровья, зависимости, расширение прав и возможностей, самоорганизации. На разных языках.

GLADT e.V.
Lützowstr. 28
10785 Berlin
Tel: 0152 11859839
info@gladt.de
www.gladt.de

gleich & gleich e.V.

Мы предлагаем стационарную и амбулаторную поддержку подростков в жилье под опекой.

Мы предлагаем проживание под опекой молодым людям с 15 лет, которые определяют себя как лесбиянки, бисексуал_ки, геи, транс*, интер* и квир. Мы предлагаем защищенное пространство, в котором становятся возможными индивидуальное развитие и поиск идентичности без дискриминации. Мы оказываем социально-педагогическую поддержку молодым людям в структурировании дня, самостоятельном ведении быта, обращении с финансами, чиновниками итд. Кроме того, благодаря сети поддержки и развитию кризисного менеджмента молодым людям дается возможность самостоятельно преодолевать кризисные ситуации. Совместное планирование и осуществление образовательных и профессиональных перспектив является важной частью нашей педагогической работы на пути к самостоятельной жизни.

gleich&gleich e.V.
Kulmer Str.16
10783 Berlin
Telefon: 030-208 37 300
info@gleich-und-gleich.de
www.gleich-und-gleich.de

● ● ●
**Inter* und Trans*Beratung
QUEER LEBEN**

QUEER LEBEN оказывает поддержку интер*, транс* и квир людям во всех вопросах о гендере и гендерной идентичности. Эта консультация открыта интер* и транс* людям, их семьям, близким, партнер_кам, а также учитель_ницам и социальным работни_цам. Квалифицированные сотрудни_цы консультируют по вопросам дискриминации, эмпауермента и самостоятельной жизни.

QUEER LEBEN
c/o Lebensort Vielfalt
Niebuhrstr. 59/60
10629 Berlin
030 23 36 90 70
beratung@queer-leben.de
www.queer-leben.de

**Jugendnetzwerk Lambda
Berlin-Brandenburg e.V.
Молодежная сеть Ламбда
Берлин-Бранденбург**

Ламбда Berlin-Brandenburg насчитывает 700 участни_ц и является единственной молодежной организацией, созданной ЛГБТ* подростками для ЛГБТ* подростков в Берлине и Бранденбурге. Группа для родителей и близких сейчас в разработке.

Lambda Berlin-Brandenburg e.V.
Sonnenburger Str. 69
10437 Berlin
Telefon: 030/282 79 90
info@lambda-bb.de
www.lambda-bb.de

**Lesbenberatung Berlin
Лесбийская консультация Берлина**

Лесбийская консультация предлагает телефонные и личные консультации для лесбиянок, бисексуальных женщин и девочек, транс* людей и их близких, а также по е-мейлу и в чате — не важно, какого вы возраста, происхождения и культуры. Консультация лесбиянок предлагает помощь на немецком, английском, персидском, румынском, русском и французском языках. Вход безбарьерный.

Lesbenberatung
Berlin e.V. Kulmer Str. 20a
10783 Berlin
Telefon: 030/215 20 00
beratung@lesbenberatung-berlin.de
www.lesbenberatung-berlin.de

**Schwulenberatung Berlin GmbH
Гей консультация Берлина**

Schwulenberatung оказывает психо-социальную поддержку в Берлине на протяжении 30 лет. Сотрудни_ки знают мир геев из собственного опыта. Здесь гомосексуальные, бисексуальные и трансгендерные люди находят информационную поддержку и сопровождение. Родители также могут обратиться в Schwulenberatung не смотря на то, что консультация создана не напрямую для них. Schwulenberatung может консультировать анонимно по е-мейлу и помогает с организацией терапевтического жилья под опекой. О других возможностях поддержки Вы можете узнать на личной консультации.

Schwulenberatung Berlin gGmbH
Niebuhrstraße 59/60
10629 Berlin-Charlottenburg
Telefon: 030- 233 690 70
info@schwulenberatungberlin.de
www.schwulenberatungberlin.de

**TRANS-KINDER-NETZ e.V.
Сеть транс-детей**

В начале 2012-го родители, устав от негативного опыта со специалистами, учреждениями (детскими садами, школами, органами опеки) и окружающими, организовали группу самоподдержки транс-детей

Цели:
Для родителей: сбор и обработка информации, обмен опытом с детскими садами, школами итд.

Для детей:
мы даем детям возможность почувствовать «мои родители на моей стороне», контакты с другими детьми. «я не одна_один такая_такой в целом мире»

Основная деятельность:

- Проведение семейных встреч
- Информирование, просвещение про транс*
- Создание и поддержка списка «специалист_ок» на основе личного опыта
- Налаживание контактов с организациями и официальными учреждениями
- Участие в конференциях (с докладами, воркшопами итд.)
- Образовательные предложения для людей, работающих и живущих с детьми и подростками
- Создание правового документа об обращении с транс*-детьми в детских садах и школах.

info@trans-kinder-netz.de
elternberatung@trans-kinder-netz.de
www.trans-kinder-netz.de

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung: Sexuelle Vielfalt und Coming-out – Ein Ratgeber für Eltern (2018)

Предлагаемые консультации: персональная помощь и поддержка по вопросам антинасилия, антидискриминации, беженства, миграции, каминг-аута, семьи, религии, здоровья, зависимости, расширение прав и возможностей, самоорганизации. На разных языках.
<https://www.bzga.de/infomaterialien/hivsti-praevention/sexuelle-vielfalt-und-coming-out-ein-ratgeber-fuer-eltern/>

Брошюра для родителей Санкт-Петербургской организации «Выход» «Что происходит с моим ребенком»
www.comingoutspb.com

H. Hassenmüller, U. Rauchfleisch & H.G. Wiedemann: Warum gerade mein Kind? Patmos Verlag, 2006.

Описания интервью с родителями об их детях геях и лесбиянках, часто из христианской религиозной перспективы.

Hessisches Sozialministerium (Hg.): Da fiel ich aus allen Wolken. 2001.

По ссылке можно скачать pdf на немецком: https://www.lsvd.de/fileadmin/pics/Dokumente/family/da_fiel_ich_aus_allen_wolken.pdf

В брошюре речь идет о таких вопросах родителей как к примеру «Что такое гомосексуальность?» или «Что говорит государство?». Места для консультации и дополнительная литература. Родителей приглашают активно разбираться с каминг-аутом их ребенка.

LSVD & BEFAH (Hg.): Meine Tochter liebt eine Frau. Mein Sohn liebt einen Mann. Ein Beratungsführer für Eltern und Andere. 2000.

По ссылке можно скачать pdf на немецком: <http://www.lsvd.de/fileadmin/pics/Dokumente/Lebensformen/befah.pdf>

В брошюре представлены цитаты из книги «Почему именно мой ребенок?» и объяснение частых реакций родителей. Здесь обсуждаются такие часто задаваемые вопросы как «Неужели у меня не будет внуков/внучек?», а также предоставляется список литературы.